

ДЖОН СТЕЙНБЕК И СССР (1961–1968).

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

**Интервью Джона Стейнбека западногерманской газете
“Die Welt”**

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)
март 1961**

В интервью корреспонденту западногерманской газеты «Ди Вельт» (10.01.1961) Джон Стейнбек резко отозвался о деятельности правительства Эйзенхауэра, которое он считает ответственным за то, что «великие достижения и великое наследие американского прошлого» были забыты его соотечественниками. «Американцы возвели глупость и легкомыслие в общественный принцип», – заявил Стейнбек.

«В 20-е и 30-е годы, – продолжал писатель, – только в Европе бедность считалась преступлением. В Сан-Франциско все было иначе... В то время, если у человека были чистые ногти, начищенные до блеска ботинки и серебряный доллар в кармане, – он чувствовал себя хозяином мира». Именно к этому периоду, – пишет корреспондент «Ди Вельт», – относятся репортажи Стейнбека в газете «Сан-Франциско Ньюс». Писатель до сих пор не может забыть о массах погибших от голода людей. «Не так давно, – сказал Стейнбек, – когда я был в Лондоне, одна англичанка немецкого происхождения задала мне глубокомысленно звучащий вопрос: почему мы, американцы, в своем творчестве постоянно обращаемся к своему детству, пишем о прошлом, живем одними лишь воспоминаниями и никогда не обращаемся к настоящему. Вопрос этот не выходил у меня из головы до тех пор, пока я не разобрался в причинах того, чем это вызвано: дело в том, что писатель недостаточно всеведущ для того, чтобы сразу обращаться к современности, а тем более к тому, что происходит сегодня».

«Тем не менее, – пишет корреспондент «Ди Вельт», – Стейнбек взялся за новый роман, в котором решил идти в ногу со временем. Работа над этим романом в 500 страниц завершена, и он выйдет в бли-

жайшее время в Нью-Йорке. Роман этот, озаглавленный «Зима нашего недовольства», по своей форме и концепции представляет значительное произведение. «Работу над этой книгой я начал весной 1960 г., – говорит Стейнбек. – Поначалу я предполагал написать 6000 слов, но когда 9 июля 1960 г. работа была завершена, выяснилось, что рукопись моя состоит из 150 тысяч слов. Время действия романа относится к периоду работы над рукописью – от первого до последнего дня. Какова же тема и содержание романа? Аморальность». «По определению Стейнбека, – пишет корреспондент, – этот термин означает примерно следующее: стремление получить от жизни больше, чем желание дать ей». «В этом мире, – говорит писатель, – никому не дано уцелеть только лишь путем уступок, стремлением к комфорту и самоудовлетворению. Это относится и к отдельной личности, и к группе лиц, и к целой нации. А мы, американцы, намерены отказаться от нашей лучшей и старой традиции – от стремления совершать поступки по внутреннему побуждению, от стремления делать что-то во имя жизни. Но как только человек утрачивает жизнеспособность, он вычеркивается из жизни и созревает для гибели...». «Поймите меня правильно, – продолжал Стейнбек, – в сущности своей люди не аморальны. Они хотели бы оставаться безукоризненно моральными. Но такое стремление требует смелости, которая должна проявляться в необходимый материал.

Вспомните о Хемингуэе, повествующем о бое быков. Герой Хемингуэя удивительно смел на арене. Но за ее пределами у него не хватает храбрости выступить, например, против Франко. Я очень люблю бой быков. Но что остается на арене после боя? Четыре убитых быка...». «Боже мой!» – воскликнул Стейнбек... «Что за писатель этот Хемингуэй! Хотелось бы только, чтобы он был более народным писателем. Для него недостаточно писать лишь об одних сражениях с быками».

Стейнбек рассказал далее корреспондентам, что его заинтересовали средневековые легенды о короле Артуре. Стейнбек изучил средневековую латынь, старофранцузский и англо-саксонский диалекты и намерен в самое ближайшее время заняться обработкой этих старых легенд, которые из-за своей эротической откровенности до сих пор не могли увидеть света в Америке.

«...Героический образ Артура, – сказал Стейнбек интервьюеру, – это не английская монополия. Каждый народ имеет своего Артура. Он рождает его, когда ему приходится сталкиваться с трудностями. Аме-

риканский король Артур должен вот-вот появиться на свет, потому что в данный момент он необходим народу...».

Корреспондент заявляет, что Стейнбек исполнен решимости напомнить людям и, прежде всего, своим американским соотечественникам о гуманизме; он стремится разъяснить Америке, стоящей на пороге нового десятилетия, что культура представляет собой собрание человеческих достижений. Или, – как выразился писатель, – напомнить им о том, что «жизнь может периодически наносить удары смерти, если ей окажут некоторую помощь».

* * *

Журнал «Ньюс-уик» (13.02.61) анонсирует выход нового романа Джона Стейнбека «Зима нашего недовольства» (“The Winter of our Discontent”). Книга выходит в издательстве Викинг, а также будет публиковаться у Макколла и в журнале «Ридерз Дайжест». Все предыдущие произведения Стейнбека, в которых изображались главным образом угнетенные, в свое время предлагались вниманию журналов, но ни одно из них не было принято к печати (кроме книжных изданий). Роман «Зима нашего недовольства» не идет на компромисс с жизнью, – сказал Стейнбек. По словам литературного агента Стейнбека, «в этом романе изображены «простые люди» – бакалейщик с Лонг-Айленда и его семья».

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр.4101. Л. 5–8.

Слово о Стейнбеке. Статья. 1963 г. (неустановленный автор)

Когда о большом писателе, которому пошел седьмой десяток, говорят – и говорят вполне искренне и обоснованно, – что он переживает новую творческую молодость, это должно радовать не только его одного. Это радостно для всех, кто находит в искусстве источник светлейшего эстетического наслаждения, для всех, кто видит в литературе драгоценнейшее средство углубленного познания жизни.

Можно с полным правом сказать, что такую творческую молодость переживает Джон Эрнст Стейнбек. В этом году мы прочитали его новейший роман – «Зима тревоги нашей». И книга эта пленила нас

значительностью и прозрачной ясностью воплощенной в ней мысли, последовательностью писателя в осуществлении своего замысла, соответствии формы – грациозной, изящной, своеобразной, а вместе с тем очень точной и выразительной – большой идее произведения.

Перед нами – и это уже успели оценить десятки тысяч советских читателей – создание художника, полного сил, художника смелого, блестящего.

Можем ли мы, однако, просто сказать, что вот де Стейнбек порадовал нас своей очередной талантливой и интересной книгой. Нет, творческий путь Стейнбека, к сожалению, не позволяет воспользоваться такой привычной, легкой и удобной формулой. Это путь очень трудный, очень сложный, отличающийся крутыми поворотами – в разные стороны.

В самом деле, роман «Зима тревоги нашей» впервые появился в прошлом году. Но буквально несколькими месяцами раньше, в том же самом 1961 году, автор новейшей монографии о Стейнбеке американский литературовед Уоррен Френч в смятении вопрошал: «Что случилось с Джоном Стейнбеком?» Френча волновало то, что романы писателя, написанные после Второй мировой войны, не шли ни в какое сравнение с его довоенными книгами. Исследователя тревожила проблема – почему же во второй половине 50-х годов Стейнбек не издал почти ни одного нового художественного произведения?

В американском литературоведении вообще наметилась тенденция – исключить Стейнбека из числа сколько-нибудь серьезных писателей современности. Характеризуя отношение американских профессиональных ценителей литературы к этому романисту, как оно сложилось к началу 60-х годов, уже упомянутый Френч отмечал: «В современной критике Джон Стейнбек не моден»...

Что ж, не будем отрицать, проблема упадка творчества Стейнбека в 40-х и 50-х годах – это проблема вполне реальная.

Однако после появления романа «Зима тревоги нашей» возникла и другая проблема: чем же объяснить новый взлет писателя после многих неудач, после долгих лет творческого «прозябания»?

Что теперь случилось с Джоном Стейнбеком?

Вопрос, прозвучавший дважды, тем более интересен и важен, что литературная судьба автора «Зимы тревоги нашей» не является исключительной. Кое-что более или менее сходное происходило и происходит и с некоторыми другими американскими прозаиками. Писательский путь Стейнбека в какой-то мере показателен, в нем есть что-то типичное.

Джон Стейнбек всего на три года моложе Хемингуэя, но он принадлежит как будто к совсем другому, более позднему литературному поколению. Если над ранними, а в известной мере и более поздними книгами Хемингуэя лежит кровавый отблеск Первой мировой войны, то душа Стейнбека была по-настоящему разбужена к творчеству лишь событиями 30-х годов, периода экономического кризиса – самого важного по своему значению и по своим последствиям в истории США.

Путь Стейнбека к его шедевру – роману «Гроздья гнева» не был особенно длинным. Сборник рассказов «Райские пастбища», которым, по сути дела, дебютировал писатель в литературе, появился всего за семь лет до этой книги. Смысл «Райских пастбищ» в давно знакомом по литературе романтизму противопоставлении прекрасной природы мрачной участи человека. Вместе с тем, в этих рассказах ощущалось какое-то удивительно свежее восприятие природы и людей, порожденное, без сомнения, органической близостью писателю тружеников земли. В ряде новелл возникают реалистические и пронизанные щемящей болью образы фермеров, которым, в конечном счете, мешают жить их собственнические инстинкты. Подлинного мастерства достигает Стейнбек в следующем своем цикле новелл «Рыжий пони». Ясным и поэтическим при всей своей простоте языком поведал писатель о духовном созревании совсем юного мальчика Джоди.

Вслед за повестью «Квартал Тортилла», этой комической сказкой о лишенных собственности, а потому добрых и даже счастливых бродягах, Стейнбек создал роман «В битве с исходом сомнительным». В этой книге он впервые вводит читателя в самую гущу классовых столкновений, столь характерных для 30-х годов. Роман противоречив – это бесспорно. Облик народа-бунтаря и влечет автора и пугает его.

О той двойственности, которая все же была присуща Стейнбеку, сказала его книга «О мышах и людях». Тяга к гуманности получила в этом романе выражение странное, в какой-то мере даже извращенное на модернистский лад. Самым добрым человеком, более всего заслуживающим любви, ярчайшим воплощением влечения простых людей к счастью изображен здесь дегенерат, вовсе лишенный разума.

А следующим романом Стейнбека были «Гроздья гнева».

В американской литературе XX века не так-то уж много романов, в которых жизнь и духовные устремления народа были бы воплощены с такой полнотой и силой, как в этой великолепной книге. С пронизательностью и точностью, которые заставляют вспомнить Бальзака

и соотечественника Стейнбека – Драйзера, писатель выявляет реальные жизненные обстоятельства, которые превратили героев романа – фермеров Джоудов в бездомных бродяг. И Джоуды – живые люди, в их жилах течет настоящая кровь, их поступки, каждое их слово, каждое движение души естественны, понятны, реальны.

«Гроздь гнева» – произведение эпической широты. Перед нами облик Америки, потрясенной до самого основания. Отчетливее, чем когда-либо раньше, выражает писатель коренную противоположность интересов «холеных пальцев», с одной стороны, и пальцев «заскорузлых», с другой. Его внимание приковывает коренной конфликт – конфликт людей достойных, хороших, любящих труд, с теми, кто дышит не воздухом, а «прибылью».

В центре романа американцы, в душах которых «наливаются и зреют гроздь гнева». Это люди интересные, яркие, полные человеческого обаяния. Таков Том, который, в конце концов, открыто признает себя «бунтовщиком», таков проповедник Кейси. Но жемчужина романа – образ матери, человека «чистой душевной красоты». Создав этот образ, Стейнбек впервые, пожалуй, предстал перед читателями, как художник мирового значения, как сердцевед, способный обнаружить в простом человеке неисчерпаемое душевное богатство. В этой женщине есть доброта и внутренняя стойкость, настоящая человечность и умение выстоять под самыми тяжелыми ударами судьбы, материнская мягкость и героическое начало. «Ма» без остатка отдает себя семье, но, когда обстоятельства того потребовали, высоко поднимается над уровнем узкосемейных интересов. В конце романа она прощается с сыном, может быть, навсегда, благословляя его на борьбу совместно со всеми обездоленными людьми Америки.

Величие книги, в частности, в том, что в ней с неоспоримой достоверностью и почти уитменовской выразительностью воплощен переход таких американцев, как фермеры Джоуды, от индивидуалистического сознания к сознанию более высокому. Тяжкие испытания порождают в сердцах героев романа незнакомую им раньше жажду совместной борьбы, солидарности с другими людьми труда. Мотив тяги к единению звучит все громче. И именно переход в сознании трудящихся от «я» к «мы», дает понять писатель, представляет самую страшную угрозу для стяжателей.

Воплощенный в романе «Гроздь гнева» бунтарский дух и опоэтизированное писателем эмоциональное влечение простых людей к кол-

лективизму отразили богатый опыт борьбы, приобретенный американскими трудящимися в 30-е годы.

Казалось, теперь можно было ожидать от Стейнбека дальнейшего углубления его реалистического мастерства – ведь герои книги, как не могли не почувствовать читатели, находились в самом начале стремительного пути. Перед ними открывались самые широкие дали...

Вышло, однако, так, что автор этого романа резко оборвал свое поступательное движение. Это не было случайностью. Рубеж 30-х и 40-х годов – один из самых трудных, чреватых противоречиями и резкими срывами моментов в истории новейшей американской литературы.

Вставшие на самом пороге Второй мировой войны сложнейшие проблемы международной жизни вызвали у многих американских писателей явную растерянность. Об этом говорит хотя бы опыт Хемингуэя. Сразу же после опубликования «Гроздьев гнева» Стейнбек почувствовал себя выбитым из колеи. В книге «Море Кортеса», которую писатель издал в 1941 году, Стейнбек пытается обнаружить «корни» войны, а также поведения людей вообще в якобы извечной биологической природе человека.

В повести «Луна зашла», написанной почти в самом начале войны с гитлеровской Германией, выражена ненависть к нацистским захватчикам чужой земли. Но в его дальнейшем творчестве военных лет ощущается желание уйти от тяжелых мыслей и проблем современности. Повесть «Консервный ряд», опубликованная в конце войны, говорила о дальнейшем углублении внутреннего кризиса писателя. Стейнбек сохраняет брезгливо-неприятное отношение к своекорыстным людям, в книге прославляется этакий «босяцкий гедонизм». О силе отвращения Стейнбека к стяжателям сказала его повесть-притча «Жемчужина». В обществе, отравленном ядом денег, прекрасная жемчужина приносит обнаружившему ее простому мексиканцу только несчастья.

Мы подошли теперь к одному из самых сложных и трудных периодов в истории американской литературы нашего столетия. Идеинный подъем, испытанный американским народом в годы борьбы антигитлеровской коалиции против фашистских стран, оказал на некоторых писателей США благотворное влияние. Но нельзя недооценивать пагубного воздействия на литературу нравственного климата, воцарившегося за океаном после 1945 года.

Положение, в которое были поставлены вскоре после войны передовые деятели искусства, выразительно охарактеризовал как-то Чарли

Чаплин, сказавший, что ныне в США «стоит сойти с тротуара левой ногой, чтоб тебя обвинили в коммунизме».

К сожалению, приходится сказать, что все это наложило свой отпечаток на ряд послевоенных произведений Стейнбека.

Первый большой послевоенный роман Стейнбека «Заблудившийся автобус» как будто бы свидетельствовал об осознании им остроты морального кризиса, который переживает современная Америка. Роман представляет собою явное иносказание. Автобус, застрявший в грязи, о котором рассказывает автор, – это, конечно, вся страна; каждый из находящихся в машине пассажиров воплощает какую-то часть населения США. Привлекательными этих людей не назовешь. В образах бизнесмена Притчарда и его жены есть что-то идущее от сатирических традиций Синклера Льюиса. Но вскоре выясняется, что в каждом из пассажиров автобуса писателем выявлена и выпячена какая-нибудь пошлая, грязная, отвратительная черта. На передний план все чаще выходит физиологическое, притупляя социальное острие сатиры.

В романе есть яркие страницы. Однако углубляясь в него, все сильнее сопротивляешься художественной логике произведения.

Лишив единственного персонажа книги, в котором есть нечто привлекательное, – водителя автобуса Хуана, чувства морального превосходства над другими героями, Стейнбек подсказывает читателям вывод, что нужно принимать действительность такой, как она есть, не споря с ней, не сопротивляясь.

В последующих романах Стейнбека все заметнее дает себя знать желание абстрагироваться от «внешней» социальной действительности, чтобы углубиться в сферы якобы автономных внутренних столкновений. Над объемистым романом «К востоку от рая» писатель работал несколько лет. Книга создана опытным мастером слова, в ней есть хорошие главы, в основе которых история собственной семьи Стейнбека. И все же стремление говорить о «зле жизни» абстрактно обескровило и эту книгу, придав ей несмыслимую окраску нарочитости, искусственности, в конечном счете, приведя писателя к неудаче, которую он болезненно переживал.

В «Благостном четверге» (1954) встречается уже хорошо знакомое нам противопоставление добрых, бескорыстных бездельников – бродяг и чудаков – скверному миру «разумных», «цивилизованных» буржуазных людей. Но главное в романе – сентиментально-утешительные мотивы.

Трудно, разумеется, сколько-нибудь точно определить момент, когда в творчестве Стейнбека наметился новый перелом – на этот раз к лучшему. Но обращает на себя внимание уже то обстоятельство, что после «Благостного четверга» писатель необычно долгое время почти не выступал как романист. Ведь его повесть «Короткое царствование короля Пиппина IV» (1957) была на самом деле лишь беллетризованным памфлетом. В повести выражена озабоченность судьбами демократии в США. Но автор рассказывает заведомо условную историю рядового человека, который случайно стал королем... Франции, но лишился трона, как только попробовал осуществить самые скромные демократические реформы.

Книга «Когда-то была война», с которой Стейнбек выступил год спустя, казалось, представляла собою лишь запоздалый отклик на события давно минувшего времени. Писатель впервые собрал в ней свои корреспонденции военных лет. Но сборник обращен не в прошлое, а к современности. Стейнбек говорит о пережитом в годы Второй мировой войны, для того, чтобы предупредить об опасности новой, куда более разрушительной войны – войны атомной. Нужно напомнить людям, что такое война, чтобы подобное «кровавое сумасбродство» не повторилось. Ведь «следующая война, если мы столь глупы, что позволим ей разразиться, вообще будет последней войной какого бы то ни было характера».

Здесь-то, пожалуй, и надо искать первопричины того сдвига в мироощущении Стейнбека, который сказался в середине 50-х годов. Опасение, что надвигается новая война, грозящая американцам и всему миру уничтожением, заставило писателя встрепенуться, встревожено приглядеться к окружающей действительности.

К этому времени относится небольшое эссе Стейнбека о детях с их естественным интересом к межпланетным путешествиям – на поверку это произведение оказывается злым антивоенным памфлетом. Писатель обличает деятелей, «глупости» которых несут человечеству гибель. С грустной иронией он говорит о «нашей планете», которая «сумела расщепить атом, но... не в состоянии усвоить правила общежития». Перед людьми, предупреждает Стейнбек, открывается страшная перспектива – «рычать, как псы, над разграбленной землей».

Писатель все пристальнее присматривается к положению дел и внутри Соединенных Штатов Америки. На рубеже 50-х и 60-х годов Стейнбек все чаще повторяет мысль об упадке моральных устоев в Аме-

рике. В беседе с корреспондентом одной английской газеты Стейнбек сказал не столь давно: «... Меня беспокоит циничная безнравственность моей страны. Я не думаю, что это может долго продолжаться, и мы погибнем, если не произойдет что-либо сверхнепредвиденное». Стейнбек чувствует, конечно, что он не единственный американец, встревоженный положением дел на его родине. Вернувшись из поездки в Европу летом 1960 года, писатель признался: «Я и не знал, что беспокойство (в США. – М.М.) так широко распространено».

Нет нужды доказывать, что новейшая стейнбековская публицистика порождена не случайными факторами субъективного порядка. Снова, как в 30-х годах, писатель с сейсмографической чуткостью уловил настроения и тенденции, возникающие в самых глубинах американского общества.

Рост антивоенных настроений во всем мире, и, в частности, в США, новая волна выступлений за демократические права, за равноправие негров – все это помогает будить гражданское сознание Стейнбека, его творческое воображение.

Статьи, беседы, очерки, памфлеты, с которыми писатель выступил на протяжении ряда последних лет, внушали надежду, что новые его чувства и мысли найдут выражение также в художественной прозе. Роман «Зима тревоги нашей» показал, что ожидания искренних друзей дарования американского писателя не были обмануты. Стейнбек вернулся в мир вполне реальных людей, мир понятный, убедительный и полный огромного значения. Автором нового романа владеет чувство обоснованного и творчески плодотворного беспокойства за судьбы родной страны и всего человечества, он исполнен серьезных и живящих раздумий о современности.

«Зима тревоги нашей» – психологический роман. Вместе с тем основа его сатирическая. И в этом оправданность сложнейшего, очень остроумно построенного сюжета, помогающего все время держать читателя в напряжении. В книге есть много неожиданных поворотов, и главный из них заключается в том, что важнейшие герои совсем не таковы, какими мы их себе первоначально представляли.

Место действия романа Нью-Бэйтаун – красивый приморский городок с исполинскими вязами на просторных и чистых улицах. Это не экзотический Монтерей, где живут полуголодные мексиканцы, о котором так часто повествовал Стейнбек в прошлом. Главный персонаж новой книги Стейнбека Итен Хоули проживает в хорошем старинном

доме, неподалеку от радующего его сердце океана. Когда мы впервые знакомимся с Хоули, сияет солнце, и Стейнбек с характерным для лучших его книг превосходным чувством природы немногословно и поэтично запечатлевает прелесть ранней весны, когда день «весь зеленый, голубой, золотистый». Живым, теплым зеркалом незамутненной чистоты весеннего мира представляются главному персонажу романа и души самых близких ему людей – жены, сына, дочери. Мэри – эта «милая, трогательная, розовая и душистая девочка», став матерью двоих детей, как будто не утратила своего девичьего очарования. А дети Эллен и Аллен – здоровые, добрые подростки.

Но светлый этот мирок развенчивается. Он постепенно рушится, разваливается до основания. Сын главного персонажа книги совершает жульнический поступок, а дочь, которая как будто живет романтической мечтой, с холодной расчетливостью доносит на родного брата. Безоглядно любимая нашим героем нежная, беспомощная Мэри, в конце концов, предстает перед читателем воплощением эгоизма. Ведь она, по выражению одного из действующих лиц, «кремень». Да и Хоули предает доверившегося ему итальянца Марулло, толкает на гибель своего лучшего друга Денни, разрабатывает план вооруженного грабежа и только в силу случайности его не осуществляет. Таковы основные вехи, определяющие общее движение романа.

Важнейшей особенностью книги является то, что при всей своей подспудной сатиричности основные ее образы оказываются психологически богатыми, сложными, трехмерными. Ни Хоули, ни Марулло, под своекорыстием и цинизмом которого скрывается жажда честности, жажда веры в человека, ни трагически одинокая Мардж, которая первоначально кажется просто распутной и хитрой женщиной, ни Эллен ее чарующей любовью к жизни не похожи на тех безжизненно-застывших персонажей, с какой-то раз навсегда утвердившейся гротескной гримасой на лице, которых так много в «Заблудившемся автобусе», например, они дышат, меняются, растут или никнут.

Именно потому, что в центре романа человек, по природе своей достойный, воспитанный в высоких понятиях, искренний, страдающий, его судьба предстает перед нами, как судьба трагическая, а падение Хоули воспринимается как социальная драма. Это и благородная личность, мучительно переживающая гибель своих иллюзий, а особенно – грехопадение детей. Это и неразоблаченный преступник (сколько сатирического содержания скрыто в самом факте безнаказанности самых

скверных его деяний). Образ Хоули двойственен не только по существу морального облика этого персонажа, но и по своей художественной природе. Во всяком случае, совершенно ясно одно – Хоули является жертвой того общества, в котором живет. И он наделен достаточной силой интеллекта (не очень-то часто мы встречались с такими героями в послевоенных книгах Стейнбека), чтобы пожелать разобраться в том, что творится на свете, и суметь это сделать.

Чуть ли не идиллический, на первый взгляд, Нью-Бэйтаун, городок оказывается на самом деле моральным болотом. Неутолимое влечение к деньгам, этакая одержимость деньгами, лишают людей истинно человеческого. Ведь «деньги не имеют не только души, у них нет ни чести, ни памяти».

Очень тонко, исподволь, едва заметными штрихами рисует Стейнбек, как господствующие представления о жизни морально калечат, уродуют членов семьи Хоули. Приходит час, и Эллен с Алленом с откровенной жестокостью дают понять отцу, что они не намерены мириться с нехваткой денег, которая стала уделом семьи. Влечение к богатству растлевает самого Хоули, хотя еще недавно он был свободен от этого наваждения.

В «Зиме тревоги нашей» суд над обществом вершит герой романа. Разумеется, богатство его раздумий, а также сокрушительная сила иронии, пронизывающей этот образ и весь роман (надо добавить, что стейнбековская ирония далеко не сразу раскрывается перед читателем), отражают богатство мысли самого художника.

Хоули волнует вопрос о традициях, на которых возникло в современной Америке неудержимое влечение к деньгам. И автор не склонен сколько-нибудь идеализировать «добрую, старую Америку». Один из важнейших мотивов романа – мотив бесчестности способов, которыми наживали свои состояния основоположники некоторых из самых уважаемых семейств в стране. Переходя к современности, автор и его герой обнаруживают еще больше мрачного. В городке мошенник сидит на мошеннике. Жульничают нынешние «отцы города», а хищники покрупнее готовятся вышвырнуть их вон, чтобы, возведя «на трон прогресс», выкачать из округа такие капиталы, какие пиратам прошлого и не снились.

Тема духовного (а то и физического) уничтожения людей «Великим Богом Чистогана» возникла еще в самых ранних произведениях Стейнбека. Она с огромной силой вплетается в симфонию «Гроздьев гнева», четко очерчивается в «Жемчужине», возникает хотя бы в виде каких-

нибудь мелких и капризных завитков и в первых послевоенных книгах писателя. В новом своем романе он не просто ее варьирует. «Зима тревоги нашей» произведение, которое заставляет думать и думать.

В романе порою звучит вопль отчаяния. И все же, как ни мрачны нарисованные писателем картины, книга не внушает чувства безнадежности.

Да, в основе романа этическая проблема. Но как нечто оправданное и неизбежное воспринимаешь обращение автора и к теме войны.

Итен Хоули озабочен тем, что над Америкой летают реактивные самолеты, которые «созданы, чтобы сеять смерть». В его теле «гнездится» страх перед смертью, которая «в один прекрасный день» может «грибовидными облаками встать над землей». Здесь голос Хоули это, безусловно, голос самого писателя, а вместе с тем голос миллионов его соотечественников.

«Зима тревоги нашей» – явление показательное во многих отношениях, в частности в плане литературном. Этот роман не только новая страница в творчестве Стейнбека, но и еще одно звено в цепи фактов, говорящих об известном укреплении в самое последнее время реалистических тенденций в литературе США.

Общая картина современной американской литературной жизни чрезвычайно сложна, изобилует противоречиями, чревата неожиданностями. А все же нельзя не видеть, что последние годы ознаменовались появлением в США – наряду с романом Стейнбека – и других произведений, говорящих об известных положительных сдвигах в литературе страны. Это книги разного характера и значения. Есть среди них несколько романов левых писателей, например, Марзани и Боносского. Выходят в свет новые произведения критического реализма – Аппела, Дж. Грина, Херси и др. авторов. Следы добрых веяний можно уловить и в новейшем романе У. Фолкнера «Особняк». Автор этой книги в какой-то мере преодолел иные из своих реакционных предрассудков. Новый поворот в сторону реализма наметился как будто в творчестве Колдуэлла.

Хочется верить, что роман «Зима тревоги нашей» – это залог новых творческих успехов как самого Стейнбека, так и других американских писателей реалистического направления.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4345. Л. 1–15. Предположительно, автором статьи является М.О. Мендельсон.

К. Вишневецкий **Разговаривая со Стейнбеком**

Он ходил по редакции, высокий, тяжело опираясь на черную в сучках палку. Прищулив один глаз, внимательно вглядывался в лица собеседников. Говорил:

– Я рад быть здесь, среди журналистов. Я чувствую себя среди своих, равных мне людей. Ведь я сам долгое время работал в газете. Мальчишкой стоял у наборного стола. Таких, как я, подручных наборщиков, называют у нас «чертями», может быть, потому, что мы всегда испачканы в черной краске.

С газетами Стейнбек был связан не только в детстве. В течение всей своей теперь уже долгой (ему 61 год) жизни он поддерживает связь с прессой, часто пишет для газет и журналов. Во время войны он не мог оставаться дома «в безопасной Америке». Он садится на борт переполненного военного транспорта и отправляется в Европу. Его видят на военных базах, в ангарах аэродромов. Он сидит с солдатами в лондонских погребах во время тяжелых налетов гитлеровской авиации. Затем Стейнбек отправляется на «новые фронты» в Северную Африку, высаживается с десантом в Сицилии, проходит Италию. И пишет, пишет... Его статьи, появившиеся в свое время в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн», позже выходят отдельной книгой, которую Стейнбек назвал «Однажды была война». Идея книги, как сам он говорит, напомнить людям о том, что было, «чтобы люди не повторяли этой громадной трагической ошибки». «Нашу гражданскую войну называли последней из «джентельменских войн», Вторая мировая, – конечно, последняя из глобальных битв. Следующая война, если мы будем так глупы и допустим ее, будет вообще последней. Некому будет что-либо помнить...», – пишет Стейнбек в предисловии к своим военным репортажам.

И сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война.

Стейнбек горячо выступает за разоружение, за ликвидацию страха, презрительно говорит об американской доктрине «равновесия страха».

– Самое опасное – это страх! – говорит он. – Я не видел ни одного с ног до головы вооруженного человека, который бы в душе не трясся от страха. Страх заставляет нас вооружаться. Страх должен быть ликвидирован. С ним можно бороться, лишь устанавливая контакты, добиваясь взаимопонимания.

– Если задумаешься над тем, что разделяет американцев и русских и что их объединяет, то можно прийти лишь к единственно правильно-му выводу: мы более схожи, чем различны. Вот об этом надо говорить, об этом надо писать, это надо утверждать.

О своей стране Стейнбек говорит проникновенно. Чувствуется, что он любит свой народ, знает его. Часто писатель оставляет свой дом и путешествует по стране, чтобы, как он выражается, не забыть ее. Последнее его путешествие, которое он совершил на машине со своей любимой собакой Чарли, родило замечательную книгу «Путешествие с Чарли».

– Недавно Чарли умер, – говорит он. И на лице его отражается глубокая грусть.

Настроение Стейнбека часто меняется. То он весело смеется, то он грустит, то с гневом говорит о ненавистных ему вещах. Автор одной из наиболее мужественных книг современности – «Гроздь гнева» не может сегодня спокойно рассказывать о великом позоре Америки – расовой дискриминации.

– У нас сейчас происходит революция, – говорит он. – Негритянская революция. Я бы хотел, чтобы вы увидели кадры кинохроники – лица участников Марша свободы, лица людей, которые пришли в Вашингтон, добиваясь прав, добиваясь свободы. Это поразительное зрелище, это революция.

– Каждая система (государственная, я имею в виду) не остается без изменения, особенно в наше время. И американцы уже не те, и Америка теперь не та. Однажды меня спросили, – рассказывает Стейнбек, – верю ли я в будущее Америки. И как тогда, я сейчас отвечаю: если бы я не верил в будущее Америки, я бы перерезал себе горло.

Конечно, разговаривая со Стейнбеком, мы задавали ему много вопросов о его творчестве, о литературной жизни США, о его планах. О себе Стейнбек предпочитает говорить как можно меньше, особенно о своих планах.

– Я пишу, – говорит он, – для меня это подобно дыханию. Поэтому очень трудно сказать, как я дышу, почему я дышу и для чего. Один из ваших писателей спросил меня однажды: в чем смысл жизни? Мне трудно было ответить на этот вопрос, и я мог сказать лишь одно: когда я голоден, я живу, чтобы есть, когда я хочу пить – для того, чтобы утолить жажду. Когда я хочу сказать что-то людям – для того, чтобы написать книгу.

Стейнбек написал более тридцати книг. Его романы, рассказы, очерки, конечно, различны по тематике и силе. Были и неудачи. Например, до сих пор Стейнбек не может себе простить своей первой книги.

– В то время я жил в горах, – рассказывает он. – Сторожил ферму. Работы было мало, времени было много. Я стал писать. Книга получилась плохая. Но, к сожалению, она была опубликована, и до сих пор остается плохой.

Критики считают, что пятидесятые годы были наиболее неудачными в писательской жизни Стейнбека. Исследователь его творчества П. Лиска утверждает, что это связано со смертью ближайшего друга Стейнбека и его соавтора Эдуарда Рикетта, с которым Стейнбек написал одну из своих любимейших книг «Море Кортеза» (1941 г.). Талантливый биолог Рикеттс имел большое влияние на Стейнбека. Создав свою теорию бес-связности явлений жизни, Рикеттс заставил на какое-то время Стейнбека принять сумму своих взглядов, что отразилось на некоторых из романов Стейнбека. Однако другие критики, особенно в последнее время, опровергают Лиска, считая, что полоса неудач Стейнбека 50-х годов объясняется другим, а именно временем разгула реакции в США, крушением многих так называемых «американских идеалов». В это время особенно заметно поднимает голову американская реакция, активизируется фашизм.

– У нас в Америке, – говорит Стейнбек, – всегда существовала угроза фашизма. Реакция всегда гнездилась в сердце нашей страны, с самого начала, с первых дней после революции. Достаточно сказать, что у нас был Маккарти. Вы, конечно, знаете о нем.

И вот тут Стейнбек высказывает мысль, одну из тех, с которой мы, внимательно слушая его и любя его как писателя, не можем согласиться. Он говорит, что наличие реакции чуть ли не необходимо для общества, для его развития, необходимо для того, как он выражается, «чтобы люди не закидали, не откладывали в сторону оружие».

– Пока есть с чем бороться, пока есть что ненавидеть, – говорит он, – люди продолжают жить и оставаться людьми.

– Значит, – спрашиваем мы, – весь этот невероятный набор комиксов и секса, военной пропаганды и безумных речей фашиствующих молодчиков нужно предлагать новому поколению, нашим детям?

Стейнбек соглашается:

– Конечно, – говорит он, – молодое поколение, стоящее не очень твердо на ногах, находится в трудном положении, встречая его этот, как вы его называете, «выбор». И все же его стоит делать.

– Но вы же сами, – возражаем мы, – вывели в своем романе «Зима тревоги нашей» образ сына героя, которого ненавидит даже отец, ну и, конечно, ненавидит автор, как это чувствуется из романа, и, как мы понимаем, именно за то, что он, этот сын, широко воспользовался тем нелепым выбором, о котором вы выговорите.

Стейнбек улыбается:

– Ну что ж, в первую очередь нужно критиковать свое, даже свои собственные убеждения.

Мы вежливо прекращаем спор. Спорили мы и по другим вопросам. Например, нас удивляла позиция Стейнбека, его взгляды на писательское творчество, роль писателя в обществе. Стейнбек воспевает одиночество писателя, считает, что только одинокий ум может создать что-либо стоящее, а коллектив может только мешать.

– Если бы во мне произошел конфликт между писателем и гражданином, я бы стал на сторону писателя и боролся бы против гражданина, – говорит Стейнбек.

Но и в этом случае слова Стейнбека, к счастью, расходятся с его делами. Ведь на протяжении всей своей творческой жизни Стейнбек оставался гражданином, и именно поэтому он стал великим писателем. Именно за это его любят читатели мира, именно поэтому он встречает такой теплый прием здесь, у нас, в Советском Союзе. Нет, автор «Гроздьев гнева», «Зимы тревоги нашей», конечно, гражданин. Гражданин и писатель. Да и какой писатель, по-настоящему крупный, может не быть гражданином! Мы цитируем ему одного из наших великих поэтов: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Конечно, нас интересует, что происходит сегодня в литературной Америке, какова судьба многих писателей, известных и новых, каковы взаимоотношения Стейнбека с другими творческими людьми Соединенных Штатов. Величайшим современным драматургом Стейнбек считает Артура Миллера, особенно знаменательной называет его пьесу «Смерть коммивояжера». О Драйзере он говорит так: «Драйзер был основоположников современного романа». И тут же, улыбнувшись, добавляет: «Но он плохо писал по-английски. Наверное, в переводах он выглядел намного лучше».

Спрашиваем о Фолкнере, его связях, его влиянии на писателей Америки.

– Фолкнер не имеет ничего общего с моим творчеством, – почему-то зло говорит Стейнбек.

– Правда ли, что Хемингуэй оставил в сейфе два законченных романа и просил распорядиться их судьбой после его смерти? – задаем мы вопрос.

Стейнбек задумывается.

– Я знаю очень хорошо жену Хемингуэя, – говорит он. – У нее на самом деле осталось много рукописей. Конечно, рукописи – это еще не романы. Слышал я и о тех, якобы завещанных романах. Слышал это от самого Хемингуэя.

Стейнбек знает о дискуссии, которая недавно состоялась у нас в Ленинграде, дискуссии по вопросу о судьбе романа в XX веке. Некоторые участники дискуссии, особенно иностранные писатели, высказывали мысль о том, что в XX веке, особенно в его атомную половину, в век великой скорости и кратких мгновений, роман, как большое литературное произведение, умирает. На смену ему приходят короткие произведения. Спрашиваем точку зрения Стейнбека. Писатель возмущается:

– Как можно говорить о таких вещах! Роман может умереть только лишь со смертью писателей, с концом литературы. Пока я жив, жив мой роман.

– А какой из своих романов вы больше всего любите?

– Мне трудно сказать об этом. Меня не интересуют романы, уже написанные, потому что я уже все знаю, что там произошло, знаю, как они родились. Я живу будущими произведениями.

Интересуют нас и мелкие детали жизни Стейнбека, его работы.

– Пишу карандашом, – говорит он. – Никогда не пользуюсь пишущей машинкой. А вообще можно писать чем угодно, хоть водой, лишь бы были мысли, лишь бы было то, о чем стоит рассказать людям. Музыка люблю разную. Люблю и хороший джаз. Конечно, люблю так называемую серьезную музыку. С удовольствием хожу на концерты. Я читаю много, читаю все подряд: и детективы, и комиксы, но больше всего исторических книг. Историей я особенно интересуюсь. У нас сейчас в Америке много интересных молодых писателей и поэтов. Они растут, совершенствуются. Например, Джек Керуак. Он сильно изменился за последнее время. От экспериментирования он уже перешел к настоящему творчеству. К сожалению, наши молодые писатели, многих из которых мы называем «битниками», знают, против чего выступать, но не знают, за что. А писатель, по-моему, должен не только критиковать, но и утверждать что-то. И вообще, по-моему, битники – это не факт,

а явление, процесс. Я его связываю с процессом эксперимента, иногда называю протестом.

Спрашиваем Стейнбека: считает ли он экспериментом абстрактное искусство вообще.

– Да, в какой-то степени, – отвечает Стейнбек. – Конечно, я имею в виду хорошую абстрактную живопись, хорошее абстрактное произведение, литературу. Эксперименты – вещь хорошая, и они должны производиться. Я могу не любить результаты этих экспериментов и не принимать, но я за эксперименты. Я тоже экспериментирую – и не двух одинаковых романов.

– Да, – замечаем мы, – но все же вы не написали ни одного рассказа, ни одного произведения, которое можно было бы назвать абстрактным в нашем понимании этого слова.

Стейнбек улыбается:

– Может быть, я недостаточно хорош для таких экспериментов.

– Хотели ли бы вы, – спрашиваем мы, – чтобы вас не понимали сейчас, но поняли бы в трехтысячном году, ведь такие аргументы выдвигают идеологи абстракционизма.

Стейнбек прищуривается, затягивается трубкой, отвечает:

– Я предпочел бы, чтобы меня понимали сейчас.

Мы спрашиваем Стейнбека о целях его нынешнего визита в Советский Союз, о его первых впечатлениях.

– Я здесь в третий раз. В 1936 году я приехал сюда как турист третьего класса и, конечно, не встречался ни с кем из ваших писателей. Я тогда не был известен. Второй раз в 1947 году я уже приехал как писатель. Многих встречал, о многом говорил. Тогда еще чувствовалось влияние войны. Люди еще не совсем оправались от перенесенных тревог и бед.

– Я слышал о многих колоссальных изменениях в Советском Союзе за последние годы. Я увидел здесь подтверждение многому из того, что я читал, о чем слышал. Сильно изменилась Москва, выросли новые дома, расширились и появились новые улицы. Я знаю, что у вас в этом году плохой урожай, но это не помешает вашему прогрессу, в этом я убежден! Хотите знать: какое мое самое сильное впечатление от первых дней пребывания в Москве? Это люди. Люди, которые ходят с высоко поднятой головой, открытым, честным взглядом, смелые, гордые, уверенные. Меня интересует очень многое, что происходит у вас сейчас. Я с интересом слежу за вашими делами внутри, за вашей политикой вне

страны. Я испытываю большую симпатию к вашему руководителю – Никите Сергеевичу Хрущеву.

Мы показываем ему на так называемые «почетные портреты» – великих писателей, посетивших редакцию «Известий» – Горький, Маяковский, Шолохов, Барбюс, Шоу. Предлагаем Стейнбеку выйти на так называемый «горьковский балкон», где был в свое время сфотографирован Алексей Максимович, чтобы сделать портрет Стейнбека для нашей «галереи». Стейнбек смотрит на портреты:

– С удовольствием, – говорит. – Хорошая компания. – Добавляет. – Я как-то робею, стоять и фотографироваться на балконе, где был великий Горький...

Стейнбек выходит на балкон. Смотрит на осеннюю Москву, заметно нервничает.

– Хорошо здесь у вас, – говорит он. Спасибо, что пригласили. Вы знаете, даже климат здесь похож на климат моего родного штата. Я здесь себя удивительно хорошо чувствую.

Источник: Известия. 1963. 22 октября. № 252. С. 4.

Джон Стейнбек

Письмо советским писателям

9 мая 1964

Дорогой друг,

С тех пор, как моя жена Эйлин и я вернулись домой после поездки в Москву, мы часто вспоминаем о Вас и о вашем замечательном городе. Память о Вашем радушии и чистосердечном гостеприимстве не покидает нас и вселяет уверенность. Разумеется, у нас возникали споры, мы выражали разные точки зрения, но все это не помешало нашей дружбе. По существу природа этих различий убеждает нас в том, что у всех хороших людей пути и цели, в конечном счете, одни и те же. Мы расходимся только в способах достижения. Мне кажется, мы должны постоянно заботиться о том, чтобы эти различия в способах не заслонили собой конечных целей.

В знак небольшого свидетельства признательности за Вашу доброту посылаю Вам экземпляр единственной речи, которую я произнес; вряд ли это повторится когда-либо еще раз. В известном смысле это уникальная речь, так, по крайней мере, думаю я. Как бы то ни было,

если бы мне пришлось исправлять ее теперь, я бы добавил, что обязанностью писателя является привнесение в мир немного веселья, немного смеха. Это не повредило бы никому и могло бы доказать, что все мы похожи друг на друга – что людей сближает смех. Я помню, в Москве мы много смеялись вместе.

Надеемся, что когда-нибудь Вы, возможно, посетите Америку, и мы будем рады оказать Вам гостеприимство, в какой-то мере соответствующее тому, какое столь щедро было оказано Вами. Эйлин («Сонька – золотая ручка») разделяет со мной все эти чувства. Ваш друг Джон Стейнбек.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ

Джон Стейнбек
Мысли писателя

**Речь, произнесенная в Стокгольме по случаю получения
Нобелевской премии по литературе**

Стокгольм, декабрь 1962

Благодарю Шведскую Академию за признание моих произведений достойными этой высшей награды.

В глубине моего сердца могут быть сомнения, что я не заслуживаю Нобелевскую премию больше, чем другие писатели, которых я уважаю и почитаю, но нет сомнения в том, что я доволен и горд получить эту награду.

Принято, чтобы лауреат этой премии высказал ученые или личные соображения о сущности и направлении литературы. Но в данное время следовало бы, по-моему, обсудить высокие обязанности и ответственность создателей литературных произведений. Столь высок престиж Нобелевской премии и этого места, где я нахожусь, что я принужден не пищать как некая благодарная и извиняющаяся мышь, а рыкать как лев из гордости за мою профессию и за великих и прекрасных людей, которые в продолжение веков ею занимались.

Литература не создавалась по указу бледной и выхолощенной касты критиков-жрецов, гнусавящих свои заклинания в пустых храмах, и она – не игра для уединяющихся избранных, для пустозвонных про-

возвестников малокалорийного отчаяния. Литература стара как речь. Она выросла, потому что человечество в ней нуждалось, и она не менялась, разве только для того, чтобы стать еще более необходимой. Скальды, барды, писатели не обособлены и не недоступны. С самого начала их функции, их обязанности, их ответственность были декретированы нашим родом.

Человечество проходит сквозь сумрачное и безнадежное смутное время. Мой великий предшественник Уильям Фолкнер в своей речи здесь назвал его трагедией всеобщего страха, так долго державшегося, что не оставалось больше проблем духа, и что, казалось, стоило писать лишь о конфликте человеческого сердца с его жизнью.

Более многих людей Фолкнер знал и о человеческой силе и о человеческой слабости. Он знал, что понимание и разрешение страха – значительная доля оправдания существования писателя. Это не ново. Древнее назначение писателя не изменилось. Он призвал разоблачать многие наши прискорбные ошибки и неудачи, извлекая на свет наши темные и опасные мечты для их исправления.

Более того, – писателю поручено провозглашать и прославлять доказанную способность человека к величию души и духа, доблести в поражении, мужеству, состраданию и любви. В бесконечной борьбе против слабости и безнадежности – это и есть яркий объединяющий стяг надежды и соперничества.

Я считаю, что писатель, не верующий страстно в способность человека к совершенствованию, не имеет ни приверженности к литературе, ни места в ней.

Современный всеобщий страх – это результат быстрого развития нашего познания некоторых опасных факторов в физическом мире и манипуляций ими. Сомнения нет, – другие аспекты понимания не поспели за этим огромным шагом вперед, но нет и основания предполагать, что они не могут или не будут идти вровень. По существу – одна из обязанностей писателя и есть обеспечение этого.

После длинной и великолепной истории непоколебимости человечества пред лицом естественных врагов, иногда чреватой опасностью поражения и вымирания, для нас было бы трусливо и глупо сдать позиции накануне величайшей потенциальной победы.

Я, понятно, читал биографию Альфреда Нобеля, – одинокого человека и, как передают книги, – вдумчивого человека. Он усовершенствовал освобождение взрывчатых сил, способных на созидающее до-

бро или на разрушающее зло, но не имеющих выбора, как не ведомых совестью или рассудком.

Нобель предвидел некоторые жестокие и кровавые злоупотребления его изобретениями. Возможно, он предвидел и конечный результат своих поисков – доступ к окончательному неистовству, к конечному уничтожению. Уверяют, что он сделался циником, но я этому не верю. Мне кажется, что он старался найти регулятор, предохранительный клапан. Думаю, что он, наконец, нашел его только в человеческом разуме и духе.

Такой ход мысли явно подсказывают мне категории этих премий. Они выдаются за возрастающее и непрерывное познание человека и его мира, за понимание и общение, что и есть назначение литературы. И они выдаются за проявление способности к миру, кульминационного пункта всех других категорий.

Менее чем через 50 лет после его смерти были отперты двери природы, и нам было дано ужасающее бремя выбора. Мы узурпировали многие силы, которые раньше приписывали Богу. Полные страха и неподготовленные, мы присвоили себе власть над жизнью и смертью всего мира и всех живых существа.

Опасность, и слава, и выбор покоятся в человеке. Испытание его способности к совершенствованию близится. Присвоив богоподобную власть, мы в себе должны искать сознание ответственности и мудрость, о присутствии которых у любого божества мы некогда с надеждой молились.

Сам человек стал величайшей нашей опасностью и нашей единственной надеждой. И ныне можно перефразировать Апостола Иоанна Богослова: в конце есть Слово, и Слово есть человек, и Слово пребывает с людьми.

John Steinbeck A Writers's Credo

Nobel Prize For Literature Acceptance Speech

Stockholm, December 1962

I thank the Swedish Academy for finding my work worthy of this highest honour.

In my heart there may be doubt that I deserve the Nobel award over the other men of letters whom I hold in respect and reverence – but there is no question of my pleasure and pride in having it for myself.

It is customary for the recipient of this award to offer scholarly or personal comment on the nature and the direction of literature. At the particular time, however, I think it would be well to consider the high duties and the responsibilities of the makers of literature. Such is the prestige of the Nobel award and of this place where I stand that I impelled, not to squeak like a grateful and apologetic mouse, but to roar like a lion out of pride in my profession and in the great and good men who have practiced it through the ages.

Literature was not promulgated by a pale and emasculated critical priesthood singing their litanies in empty churches – not is it a game for the cloistered elect, the tin-horn mendicants of low calory despair. Literature is as old as speech. It grew out of human need for it and it has not changed except to become more needed. The skalds, the bards, the writers are not separate and exclusive. From the beginning, their functions, their duties, their responsibilities have been decreed by our species.

Humanity has been passing through a gray and desolate time of confusion. My great predecessor, William Faulkner, speaking here, referred to it as a tragedy of universal fear, so long sustained that there were no longer problems of the spirit, so that only the human heart in conflict with its life seemed worth writing about.

Faulkner, more than the most men, was aware of human strength as well as of human weakness. He knew that the understanding and the resolution of fear are a large part of the writer's reason for being. This is not new. The ancient commission of the writer has not changed. He is charged with exposing our many grievous faults and failures, with dredging up to the light out dark and dangerous dreams for the purpose of improvement.

Furthermore, the writer is delegated to declare and to celebrate man's proven capacity for greatness of heart and spirit – for gallantry in defeat – for courage, compassion and love. In the endless war against weakness and despair, these are the bright rally-flags of hope and emulation.

I hold that a writer who does not passionately believe in the perfectibility of man has no dedication nor any membership in literature. The present universal fear has been the result of a forward surge in our knowledge and manipulation of certain dangerous factors in the physical world. It is true that other phases of understanding have not yet caught up with this great step, but there is no reason to presume that they cannot or will not draw abreast. Indeed, it is a part of the writer's responsibility to make sure that they do.

With humanity's long, proud history of standing firm against natural

enemies, sometimes in the face of almost defeat and extinction, we would be cowardly and stupid to leave the field on the eve of our greatest potential victory.

Understandably, I have been reading the life of Alfred Nobel: a solitary man, the books say, a thoughtful man. He perfected the release of explosive forces, capable of creative good or of destructive evil, but lacking choice, ungoverned by conscience or judgment.

Nobel saw some of the cruel and bloody misuses of his inventions. He may even have foreseen the end result of his probing-access to ultimate violence – to final destruction. Some say that he became cynical, but I do not believe this. I think he strove to invent a control, a safety valve. I think he found it finally only in human mind and the human spirit.

To me, this thinking is clearly indicated in the categories of these awards. They are offered for increased and continuing knowledge of man and of his world – for understanding and communication which are the functions of literature. And they are offered for demonstrations of the capacity for peace – the culmination of all the others.

Less than 50 years after his death, the door of nature was unlocked and we were offered the dreadful burden of choice. We have usurped many of the powers we once ascribed to God. Fearful and unprepared, we have assumed lordship over the life and death of the whole world and all living things.

The danger and the glory and the choice rest finally in man. The test of his perfectibility is at hand. Having taken God-like power, we must seek in ourselves for the responsibility and the wisdom we once prayed some deity might have.

Man himself has become our greatest hazard and our only hope. So that today, St. John the Apostle may well be paraphrased. In the end is the Word, and the Word is man – and the Word is with men.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 1373. Оп. 10. Ед. хр. 455.

С. Львов – Дж. Стейнбеку

Дорогой Стейнбек!

Прошу извинить, что отвечаю Вам с опозданием. Я только что вернулся из летнего путешествия, и вся почта дожидалась моего возвращения в Москве.

Благодарю Вас за присланный мне текст Вашей речи, произнесенной при знаменательном акте вручения Вам Нобелевской премии. Я был знаком с этой речью из печати, но с интересом перечитал ее и мне приятно иметь ее в своей библиотеке.

Не скрою, однако, что Ваше письмо меня несколько удивило. Вы обращаетесь ко мне как к знакомому. Я хорошо знаю Вас по Вашим книгам, которые высоко ценю. Но, когда Вы напоминаете мне о наших интересных встречах и беседах в Москве, я не без улыбки вижу в этом то образное выражение, которое называется в стилистике «*toto pro pars*».

Встречи и беседы, которые были у Вас в Москве с некоторыми моими коллегами по профессии, Вы, очевидно, перенесли на всех представителей нашей профессии. Я, разумеется, не сомневаюсь в том, что эти встречи были именно такими, как пишете Вы, но мне не случилось принимать в них участия. Наше личное знакомство пока что не состоялось, о чем я искренне сожалею.

Я бы с удовольствием посчитал началом этого знакомства Ваше письмо, если бы не одно обстоятельство. Оно написано как обращенное лично ко мне и от руки (что доставило мне удовольствие получить Ваш автограф), но размножено фототипическим способом (что несколько умаляет ценность автографа) и разослано по множеству адресов. Вот это последнее особенно меня озадачило.

Как и все мои коллеги – советские писатели – я высоко ценю мнение коллектива и коллективные действия на благо людей.

Но не думаете ли Вы, дорогой друг, что если писатель пишет письмо писателю, как личное, а потом размножает его и рассылает «всем, всем, всем», это выражает упрощенное представление о личности писателя в коллективе писателей.

И разве Вы не были бы удивлены, если бы кто-нибудь из ваших московских адресатов свой ответ, предназначенный Вам, размножил бы и разослал всем нью-йоркским писателям по адресам, взятым из справочника.

Ваше обращение ко мне как к другу дает мне право, как мне кажется, на это откровенно высказанное соображение.

Я буду рад получить от вас личное письмо, если вы пожелаете мне ответить. Я не возражаю и против того, чтобы получить то Ваше письмо, которое Вы будете снова рассылать как циркуляр, если вы полагаете возможным сохранить такую форму общения с коллегами по профессии.

Но совмещение этих двух эпистолярных жанров представляется мне несколько странным.

С искренним уважением и самыми добрыми пожеланиями Сергей Львов.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 7.

Ф. Кравченко

Открытое письмо Джону Стейнбеку

12 июля 1964

В редакцию «Литературной газеты».

Копии:

В московскую организацию Союза писателей РСФСР,
Иностранную комиссию Союза писателей СССР.

Уважаемый товарищ редактор!

Прошу опубликовать мое открытое письмо американскому писателю Джону Стейнбеку, которое является ответом на его письмо и «Речь, произнесенная в декабре 1962 года в Стокгольме по случаю получения им Нобелевской премии по литературе», присланную мне самим Стейнбеком, по-видимому, с целью привлечения моего внимания к проблемам... мировой литературы.

Как Вам известно, я не принадлежу к тем, кто бывает за рубежом, общается с иностранными литераторами, пишет очерки и статьи по поводу своих путешествий и завязывает дружбу с иностранцами. Я скромно служу родному советскому народу и счастлив, что мои книги – повесть «Семья Наливайко» и роман «Отамановы дубы» пользуются успехом у массового читателя и приносят ему пользу. Критики обо мне не пишут. «Литературная газета» в номере за 18 февраля 1964 года впервые, как говорится, по достоинству оценила мои заслуги перед советской литературой, признав, что уже в 20-е и 30-е годы я вместе с такими ныне знаменитыми сатириками, как Остап Вишня, развивал «боевой жанр», выступая под псевдонимом Теодор Орисио с литературными пародиями и эпиграммами.

Я об этом пишу для того, чтобы стало понятно, почему я считаю себя вправе отвечать нынче такому известному в мире буржуазному писателю, как Джон Стейнбек, – ведь 40 лет отдано мной новой, советской литературе, борьбе за ее развитие.

* * *

Господин Стейнбек!

Получив Ваше письмо и отпечатанную типографским способом, как видно, для широкого распространения «Речь, произнесенную в декабре 1962 г. в Стокгольме по случаю получения Нобелевской премии по литературе», я призадумался. Возник совершенно естественный и законный вопрос: для чего Вы это рассылаете писателям, которых никогда не видали в глаза, с которыми не встречались и не общались и книг которых, безусловно, никогда не читали?

Если Вы хотели похвастаться: я-де стал лауреатом Нобелевской премии, – это Вас не украшает. Да и что толку в восторгах перед Вашей славой людей, которых Вы совершенно не знаете? Думаю, что Вы – умный, талантливый литератор нашего времени – не преследовали и не могли преследовать подобную мелкую цель, хотя Ваша речь и преисполнена тщеславия...

Напрашивается вывод, что Вы взяли на себя труд пропагандировать некоторые свои мысли и так называемые философские рассуждения. С этой целью, как это легко понять после вдумчивого прочтения Вашего письма, Вы и обратились ко мне (и, должно быть ко многим моим коллегам).

Не буду отвечать на Ваше написанное, так сказать, Вашей собственной рукой, письмо, поскольку оно насквозь фальшиво или посланно таким, как я, советским литераторам по ошибке. Я никогда не был Вашим «дорогим другом» и не мог им быть хотя бы потому, что мы никогда с Вами не виделись, не общались, не спорили, и я даже убежден, что никогда не будем общаться, так как я – беспартийный, весьма скромный рядовой советский литератор – болен и просто лишен физической возможности участвовать в той – весьма плодотворной и необходимой – работе, которую ведет наш Союз писателей, поддерживая живую творческую связь с прогрессивными деятелями мира, к которым и Вы себя, господин Стейнбек, причисляете.

Хочу высказать лишь некоторые соображения по поводу произнесенной Вами речи в Стокгольме, поскольку Вы прислали ее мне вместе с письмом и поскольку она стала литературным документом, выражающим идеологию Вашего мира и того общества, которому Вы служите, хотя и считаете себя «независимым», способным свободно участвовать в обсуждении «высоких обязанностей и ответственности создателей литературных произведений».

Я, как сказано выше, формально не принадлежу к Коммунистической партии, никаких орденов, Правительственных наград и поощрений (не считая премии за пьесу «Жаркое лето», полученную в 1947 году – на Всесоюзном конкурсе) не имею, хотя печатаюсь с 1925 года и, следовательно, почти 40 лет отдал служению нашей новой, советской литературе.

Вы прислали мне письмо и свою речь, чтобы я подумал о Вашей судьбе и Вашей ответственности, как создателя литературных произведений. Подумайте же и обо мне, о моей такой же ответственности за то дело, которому мы, литераторы, не просто посвящаем свой досуг, а всю свою жизнь.

Постарайтесь понять, что я – рядовой солдат литературного фронта – высказываюсь не «по указке свыше», а по велению своего сердца. Мое письмо, являющееся всего лишь ответом на Ваше, не может быть средством «пропаганды». Да и нелепо было бы вообразить, что я в чем-то сумею убедить Вас – представителя чуждой мне, сыну неграмотного рабочего, идеологии.

Я не знаю Вашей биографии, не знаю, какими путями Вы шли в литературу. Ныне Вы – всемирно известный писатель. И хотя мне известно, что Вы видите назначение литератора в том, чтобы писать книги, а не произносить речи, я нынче убедился, что у Вас есть ораторский талант. И Вы умело им пользуетесь. И даже являетесь великолепным организатором пропаганды тех идей и убеждений, которыми проникнута Ваша речь в Стокгольме.

Я позволю себе сказать еще несколько слов о собственной литературной судьбе. Родился в Каменке, старом местечке на Украине, о котором весь (читающий!) мир узнал, знакомясь с деятельностью тех русских революционеров, которых мы называем декабристами. Именно в Каменке собирал (в 1825 г. повешенный царем Николаем Первым) полковник Пестель прогрессивно настроенных офицеров русской армии и передовых дворян. В Каменке бывал наш великий русский писатель Пушкин. Я босоногим мальчишкой бегал в старом помещичьем парке, где Пушкин беседовал с декабристами, лишь догадываясь, что они, его друзья и знакомые, объединены в каком-то тайном, революционно настроенном обществе. Когда я узнал – еще в детстве – о том, что у нас, в Каменке, встречались декабристы и бывал знаменитый Пушкин, это дало толчок к тому пониманию мира, которое сделало впоследствии меня, простого рабочего сахарного завода, литератором, то есть,

деятелем того участка культуры, в котором, как Вы сами сказали в Стокгольме, человечество нуждалось...

Пролетарий по происхождению, познавший с детских лет нужду и унижение (дети помещика и его верных слуг называли меня «мужицким» сыном, неучем, обреченным на жалкое существование, тем более что мои неграмотные родители имели 8 детей и при этом у них была только старая хата с земляным полом), я все же в состоянии был понять душу дворянина Давыдова, ставшего революционером в то время, как другие помещики-крепостники жестоко эксплуатировали народ и всячески измывались над нами, поработанными властью имущим строем капитализма украинцами, лишая нас даже нашего национального достоинства.

Я, повторяю, понимал дворян, их писателей и деятелей культуры. Страстно полюбил Пушкина и Чайковского, который тоже жил в Каменке, так как сестра его была замужем за помещиком Давыдовым, проникся глубоким уважением к декабристам, хотя они были представителями чуждого мне класса.

Это стало возможным потому, что я мыслил свободно, что я старался судить о людях по их делам. Пушкин и Чайковский, принадлежа к чуждому мне классу, творили для народа и во имя процветания человечества. Поэтому они и были мне близки.

Декабристы, учась у французских революционеров, делали попытку изменить государственный строй в феодальной России, где правил царь и его клика, и это, естественно, мне было по душе. Уже в юношеские годы, живя еще в Каменке, я понимал, что республиканский строй, за который они боролись, мог быть только буржуазным строем. Это еще не то общество, которое возникло у нас, в бывшей Российской империи, после Великой Октябрьской революции. Русская буржуазия была врагом моего отца – пролетария, и неизбежно стала бы моим врагом, если бы мне не выпало счастье продолжать жить уже в <Советском Союзе>. Но я обнажаю голову перед тем местом в родной Каменке, где встречались декабристы – борцы за прогресс в развитии человечества.

Я не только с удовольствием прочел, но и полюбил Ваш роман «Гроздь гнева». Не знаю, кто Вы по происхождению, с какими людьми Вы общались и общаетесь, дружите в настоящее время. Но, если бы Вы даже имели «высокий титул», как мой любимый русский прозаик – бывший граф! – Алексей Толстой, это не помешало бы мне любить не только Ваши произведения, но и Вас, автора книг, созданных для

того, чтобы содействовать борьбе, которую вели французские революционеры, наши русские декабристы и многие, многие другие партии, группы и отдельные лица, страстно желая освободить человечество от того ужасного чувства, которое Ваш великий предшественник Фолкнер и Вы сами назвали «всеобщим страхом».

Я вправе был ожидать, что за «Гроздьями гнева» последует сам гнев, что Вы, пристально всматриваясь в то, что происходит в мире, осознаете свою личную писательскую ответственность перед человечеством. Но, судя по Вашей речи в Стокгольме, этого, к сожалению, не произошло, хотя Вы и пытаетесь туманными философскими рассуждениями убедить меня (и тех, кто читал Вашу речь), что Ваше призвание заключается в том, чтобы «разоблачить многие наши прискорбные ошибки и наши неудачи, извлекая на свет наши темные и опасные мечты для их исправления».

Было бы нелепо, если бы я посоветовал Вам следовать по тому пути, который избрал для своего освобождения русский, украинский и другие народы, добровольно объединившиеся в рамках Советского Союза и успешно созидающие коммунизм. Вы, американцы, должны найти свой путь к решению любых возникающих перед вами проблем и задач.

Но, поскольку Вы обратились ко мне с письмом, прислали мне свою речь и даже называете меня – совершенно незнакомого человека «дорогим другом», я позволю себе кое-что пояснить, чтобы попытаться найти весьма необходимый друзьям общий язык и помочь Вам постигнуть истину, к которой Вы только приблизились в своем романе «Гроздья гнева».

Я написал много книг (ведь 40 лет работаю в литературе!), но остановлюсь только на тех, которые сам считаю лучшими. В 1932 года я издал на Украине (под псевдонимом Теодор Орисио) сборник своих литературных эпиграмм и пародий. Мне было тогда 26 лет, и я еще работал в маленькой, так называемой, провинциальной газете. Что побудило меня написать и выпустить в свет такую книгу? Только желание помочь родному советскому народу в развитии новой литературы.

Вы сказали в Стокгольме: «Литература стара как речь», в ней человечество нуждалось, и поэтому она выросла, «и она не менялась, разве только для того, чтобы стать еще более необходимой».

Поймите же сейчас простую вещь: наша советская литература выросла потому, что в ней наш народ нуждался. И наша русская уходящая

своими корнями в глубокую древность литература претерпела (пользуясь и здесь Вашей терминологией) изменения потому, что в этом была исторически обусловленная необходимость.

Судя по Вашему литературному стажу (да и портрету, приложенному к Вашей речи в Стокгольме), Вы, как и я, пожилой человек. И странно, что Вы до сих пор не поняли того, что я понимал уже в 26-летнем возрасте, когда была издана моя книга литературных пародий и эпиграмм.

Уже тогда, зная Гомера, – великого представителя той литературы, которая стара как речь, – я – молодой сатирик – написал в своей эпиграмме на очень талантливого, но далекого от борьбы <за новую жизнь> поэта, дворянина по происхождению, считавшего себя неоклассиком: воскрес Гомер, увидел неоклассика, прочел его стихи и снова – от скуки и тоски! – умер...

Я не называю фамилию этого поэта, так как в этом нет нужды, но должен сказать, что этот бывший дворянин и неоклассик в поэзии 20-х годов, стал самым любимым моим писателем и ученым, он пользуется огромным успехом и у нас, в Советском Союзе, и за рубежом; его талант служит всеобщему прогрессу и процветанию; нынче он – лауреат Ленинской премии. А что было бы, если бы он продолжал оставаться «неоклассиком», забавляясь сочинением стихов, в которых были бы осенние звезды и розы <вообще>, без всякой связи с тем, чем жило и живет человечество? Он усох бы на корню, как усыхали некоторые другие литераторы, которых я, автор пародий и эпиграмм, предупреждал тогда 30 лет назад, что они не будут развиваться, если поставят себя <за пределами борьбы, которую испокон веков ведут народы за светлое будущее всего человечества>.

Не подумайте, что я, рассказывая об этом, хочу как-то «возвеличить» себя самого, похвастаться, каким, дескать, «провидцем» я тогда оказался. Отнюдь нет! Я не был «пророком», я просто добросовестно изучил историю Октябрьской революции (да и Всемирную историю!), старался вникнуть в тот великий процесс, который уместно назвать развитием художественной литературы, изо всех сил трудился над тем, чтобы понять великое учение Маркса и Ленина. И, по секрету сказать, я в те годы чутко прислушивался к тому, <что говорил мой неграмотный отец>, всю <жизнь работавший на своего эксплуататора – помещика Давыдова, потомка одного из тех декабристов, которых все человечество уважает, как прогрессивных деятелей своего времени>.

А он, мой отец, говорил примерно так:

– Был у нашего пана-помещика предок, который хотел хотя б от царя избавить нас, трудящихся людей. А этот подлый Лев Алексеич Давыдов пил из меня кровь, высасывал из меня последние соки. А за что? Разве я не такой же, как он, человек? Из другого теста сделан? Почему он пан, а я мужик? Что это за такие законы были, когда один наживался на чужом труде и жил, припеваючи, а другой груз спину, голодая да еще и никаких прав не имея. Лошадь у помещика на конюшне, собака на псарне, и те больше забот о себе испытали, чем мы, люди, в поте лица работавшие на всяких господ...

Нужно ли было меня как-то «подстегивать» или «поучать», внушая <новую, советскую идеологию>? Да она входила в мою кровь и плоть, как воздух, которым я дышу с той минуты, когда на свет родился. И если я, <став советским сатириком, активно включился в борьбу за новую идеологию>, то это произошло не потому, что кто-то хотел этого или, не дай бог, «покупал» меня «на корню», <как покупают иных буржуазных писателей>.

Скажу Вам откровенно, господин Стейнбек: хотя я и старый, с многолетним стажем, писатель, но у меня нет, как у Вас (если судить по фотографиям, приложенным к речи), особняка, я не выхожу с довольным видом на прогулку с собакой, не рассылаю отпечатанных на прекрасной бумаге речей, чтобы похвалиться собой и своими успехами...

И это свое письмо к Вам я вынужден написать (оторвавшись от рукописи, которую как раз сейчас готовлю к изданию), только потому, что не могу молчать, видя, как Вы сами же гасите мою любовь к Вам – автору романа «Гроздь гнева»...

Я Вам уже рассказывал, почему в 26-летнем возрасте были написаны и выпущены в свет мои боевые, как признала 30 лет спустя «Литературная газета» (в рецензии на антологию, где и мои произведения представлены), пародии. Мне хочется хотя бы в двух словах поведать и о том, почему и зачем были написаны мои другие книги?

В конце 1941 года издательство «Советский писатель» в Москве выпустило мою повесть «На дорогах Украины», которую я первоначально написал по-украински и затем сам перевел на русский язык. Кто меня <заставил> написать эту книгу? <Гитлер>! Когда его орды устремились на восток, разрушая города, сжигая села и поработавшая советских людей, я вспомнил то, что своими глазами видел в 1918 году, когда не-

мецкие войска оккупировали освободившуюся от пут царизма и капитализма мою родную, свободолюбивую Украину. И я написал повесть о том, как такие же, как мой отец, рабочие помогают партизанам и молодой Красной армии громить ненавистных пришельцев, захватчиков, у которых всегда была и продолжала оставаться одна-единственная цель: превратить другой народ в покорного раба, чтобы можно было беспощадно эксплуатировать его труд, обогащаться и жить, как жили, скажем, римские судовладельцы или африканские и азиатские колонизаторы...

Меня вдохновляла ненависть к врагу, моим творческим «законодателем» была любовь к родному советскому народу...

Повесть «Семья Наливайко», получившая широкое признание у наших читателей и переведенная за рубежом, вышла из печати накануне победы над Гитлером и его проводами, – весной 1945 года. Она написана с тем же чувством ненависти к поработителям и чувством глубокой любви к родному народу – созидателю нового, коммунистического общества, которое <навсегда будет избавлено от войн>. И в ней, в этой повести, я показал простых, как и герои Вашего романа «Гроздья гнева», людей, показал патриотов своей Родины, которые самоотверженно помогают Советской армии и партизанам громить врага...

Роман «Отамановы дубы», переизданный в 1962 году сотысячным тиражом потому, что он пользуется успехом <у массового читателя> (то есть, у <народа, которому я, как литератор, честно служу 40 лет!>), был написан по той же причине: я, как и Вы (если верить в искренность некоторых Ваших высказываний), не рассматриваю литературу, как «игру для уединяющихся избранных, для пустозвонных провозвестников малокалорийного отчаяния». Я считаю ее <оружием в борьбе за достойную человека жизнь на земле>. В своем романе я, в меру моих сил и способностей, показал торжество народной правды, наших ленинских идей, <торжество человека>, который хотя и попадает в трагическое положение по вине гитлеровцев и некоторых внутренних наших врагов, <но и гордо и честно исполняет свою миссию – миссию свободного строителя новой жизни, коммунистического общества>.

Вы в своем письме, господин Стейнбек, назвали меня «дорогим другом». Но ведь друзья – это единомышленники! На что же Вы рассчитываете, желая завязать со мной хотя бы заочную дружбу? На то, что я приму Вашу идеологию? Но это же смешно! Если Вы вдумаетесь в то, что я Вам написал, Вам никогда и в голову не придет, что это когда-либо

случится. Вам нравится класс эксплуататоров, а я страстно ненавижу его с детских лет; Вы видите свое призвание в том, чтобы примирить два класса – эксплуататоров и эксплуатируемых, <а я с детских лет> хочу только одного: полного истребления таких же помещиков и капиталистов, как и те, которые, как говорится, сосали кровь из моего отца – рабочего – и моего дела – раба, несчастного крепостного мужика, которому не позволяли даже говорить на родном языке...

Следовательно, может идти речь <только> о мирном сосуществовании двух социальных систем. Вы – за мир, за мирное сосуществование капиталистического и социалистического миров? Так я Вас понял? Но мы тем более жаждем мира и нам тем более необходимо мирное сосуществование, <о котором с такой страстью и ясностью, везде и всюду, говорит Никита Сергеевич Хрущев>.

Советские литераторы могут дружить с Вами, но дружба будет истинной и полезной, <если Вы постараетесь правильно понять нас> и не станете хитрить, как теперь, рассылая текст своей речи и размноженное с помощью топографических машин, как бы написанное Вами от руки письмо...

В заключение еще раз скажу от себя лично: Ваш роман «Гроздь гнева» вселил в меня надежду, что Вы станете со временем одним из самых прогрессивных писателей капиталистического Запада, чтобы «разоблачать многие... прискорбные ошибки и неудачи» тех, кто пытается ввергнуть человечество в новую (и на этот раз – самую ужасную, атомную!) войну; чтобы «извлекать на свет... темные и опасные мечты» империализма «для их исправления»... (Ведь об этом Вы говорили в Стокгольме, верно?)

К моему большому окончанию, я вынужден прийти к выводу, что Вы стали еще большей знаменитостью, получив Нобелевскую премию, но в своем творческом и идейном развитии отстали даже от того Стейнбека, которого я когда-то полюбил за роман «Гроздь гнева». И меня может только подставить Ваша «философия», столь туманно (и, честно говоря, не очень умело) выраженная в речи, произнесенной в Стокгольме.

Кого Вы пытаетесь запугать рассуждениями о «всеобщем страхе» и «малокалорийном отчаянии»? Мы, советские литераторы, как и весь наш советский народ, ведомый в светлое будущее созданной Лениным Коммунистической партией, <не испытываем никакого страха перед будущим>, как не испытывали его мой отец и его сверстники, участвовавшие в революциях 1905 и 1917 гг.

Страшно Вашим капиталистам, как было страшно и нашим царям, их верным слугам и прихлебателям, которые если не всегда понимали, то хотя бы почувствовали, что крах их владычества <неизбежен>. История подтвердила это!

Когда-то Максим Горький бросил клич: «С кем вы, мастера культуры?» Мне остается только повторить эти замечательные слова <нашего> (следовательно – и моего!) <великого предшественника>. А Вы пытаетесь мне навязать глупость, которую как-то высказал <Ваш> «великий предшественник Уильям Фолкнер», утверждавший, что «<Человечество проходит сквозь сумрачное и безнадежное, смутное время>».

Выбор! Время теперь – самое светлое, ясное и весьма обнадеживающее весь мир, хотя Ваши американские последователи бесноватого Гитлера и мутят воду на всей планете. События в Азии, Африке да и на самом американском материке говорят о том, что человечество все отчетливее видит пути <к счастливому будущему>, когда не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, (а следовательно и войн не будет), и исчезнут последние признаки <того страха, который, кстати сказать, продиктовал письмо, полученное мною сейчас, и заставил Вас произнести столь> «смутную», с точки зрения философской, и безнадежную для писателя (если он хочет быть полезным человечеству!) речь в Стокгольме.

Желаю Вам личного счастья и творческих удач!

Федор Кравченко

Член Союза писателей СССР.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4299. Л. 1–14.

Переписка с Джоном Стейнбеком о его пребывании в СССР

1. Дж. Стейнбек – Ф. Лурье

13 января 1964

Дорогая Фрида,

Мы давно собираемся написать о нашей благодарности и любви к Вам.

Мы вернулись домой перед самым Рождеством, но праздники и встречи с родными отняли столько времени, что мы не могли собрать-

ся, чтобы написать Вам раньше. Мы очень хотим, чтобы вы знали, как высоко мы ценим все, что Вы сделали для нас и знаем, как много было сделано Вами.

Эйлин просит передать, что очень скоро она пошлет Вам в подарок небольшой сувенир. Я не знаю, что она приготовила, и не могу выдать ее.

Передайте, пожалуйста, нашу большую благодарность всем нашим друзьям у Вас в стране. Большинству из них мы напишем, но человеческая память – вещь несовершенная, и мы, наверняка, можем забыть кого-нибудь из тех, кого хотели бы поблагодарить. Поэтому и здесь, Фрида, мы обращаемся к Вашей помощи; и давайте не будем терять друг друга из вида.

Мы очень высоко ценим Вашу дружбу и желаем Вам всего самого доброго в Новом году. Весьма искренне Ваш Джон

Перевод Г. Брейтбурда

2. Дж. Стейнбек – ленинградским писателям

январь 1964

Дорогие друзья!

Если бы я попытался написать письмо с выражением благодарности каждому из ленинградцев, любезно приветствовавших нас с женой во время недавнего приезда, то на это потребовалось бы несколько лет, и я, в конце концов, кого-нибудь пропустил бы и не мог бы поблагодарить тех, чьи имена я не узнал. Хотелось бы, чтобы Прокофьевы и Поповы узнали из этого письма, как высоко мы ценим их любезность и гостеприимство. Большое им спасибо. Но есть еще так много других, кого нам следует поблагодарить, что моя память не может охватить всех.

От утомления я захворал в Ленинграде и мгновенно, точно по волшебству, очутился в больнице, где мудрые руки врача определили болезнь и вооружили меня против нее. Хотелось бы сказать спасибо этим спокойным энергичным медикам; я знаю их лишь как людей в белых халатах, которые молча оказали мне помощь и затем ушли.

Я очень давно не был в Ленинграде, точнее – с 1936 года. За это время много произошло: были потрясающие невзгоды, было много героизма. И все же Ленинград стоит на месте и живет, город, подобный вечно обновляющемуся живому организму.

Мы отправились в Ленинград, чтобы встретить друзей, и мы их встретили. О, конечно, нашлось много поводов для споров и разногла-

сий (что вполне естественно), но, и высказав разные мнения, мы остались друзьями, потому что обширные пространства единодушия далеко перекрывали мелкие участки противоречий.

Итак, я очень надеюсь, что Союз писателей Ленинграда, возможно, шире обнаружит нашу благодарность, а вместе с тем и наши пожелания великого светлого будущего, а главное – нашу горячую надежду, что дружба наша будет развиваться, так как дружба народов вырастает из взаимопонимания отдельных людей. Общее возникает из частного. Мы ощутили теплоту, с которой вы нас встретили, и отвечаем тем же, посылая горячий привет Ленинграду. Ваш Джон Стейнбек

3. Дж. Стейнбек – К.М. Симонову

13 января 1964

Дорогие Константин и Лариса!

Вы знаете, я до сих пор не могу забыть Ваш маленький дом, стоящий в березовом лесу. Какое замечательное это место, как тепло в этом доме и какие сердечные люди там живут.

Мы довезли домой наш маленький кувшинчик с динамитом и вчера отведали его содержимое, все великолепно сохранилось. Интересно, успешно ли идет работа над Вашим романом, имеете ли Вы уже право выкурить набитую табаком трубку, лежащую на Вашем столе? Надеюсь, что это так. Меня охватила дрожь, когда я увидел, с каким вождением вы смотрите на эту трубку.

Нам кажется, что эта наша поездка была очень удачной и успешной, теперь вернулись домой и хотим одного – отдохнуть и восстановить часть сил, которые мы потратили, получая от жизни удовольствия – еду, вино, беседы и т.п.

Так приятно было встретиться с Вами после стольких лет. Я надеюсь, что наша следующая встреча произойдет скорее. Было бы очень приятно, если бы это случилось здесь, в нашей стране. Пожалуйста, имейте это в виду.

С самыми добрыми пожеланиями в Новом году Ваш Джон.

Только что получили чудесную книгу по керамике, не находим слов для благодарности.

Сопроводительная записка

М.Я. Аплетин – супруге К.М. Симонова Л.А. Жадовой

Дорогая Лариса!

Пересылаю Вам письмо, полученное от Джона Стейнбека. Как видите, книга Ваша добралась до них и доставила им огромное удовольствие. Было бы очень хорошо, если бы у Вас вышло время ответить им. Высказывания Стейнбека после его отъезда из Советского Союза говорят о том, что он сохранил добрые, теплые воспоминания о своих друзьях, к числу которых он, естественно, относит и вашу семью.

Вместе с этим письмом посылаю Вам квитанцию на отправленные в Нью-Йорк телеграммы и девять рублей, оставшиеся от тех двадцати пяти рублей, которые Вы дали для отправки телеграмм. Сердечный привет Вам и Константину Михайловичу, и девочкам.

4. Дж. Стейнбек – А.Б. Чаковскому

13 января 1964

Дорогой Александр,

С большим опозданием мы хотим поблагодарить Вас за Ваше дружеское участие и помощь во время нашего недавнего пребывания в Советском Союзе.

Мы никогда не забудем прекрасный вкусный обед, которым Вы угощали нас и Ваши добрые ободряющие слова.

Примите нашу благодарность, поздравления и пожелания самого счастливого Нового года: надеемся снова встретиться с Вами.

Эйлин просит передать Вам личный привет и поздравления. Весьма искренне Ваш Джон Стейнбек.

5. Б.П. Полевой – Дж. Стейнбеку

October 1964

Dear friend,

I was very happy to receive your present – *Travels with Charley*. Unfortunately, my knowledge of English is limited and I keep on looking at the book as a cat would at hot porridge. However, my daughter Alyona, a medical student, knows English. She read it from cover to cover and judg-

ing how she smiled to herself at some parts, and how her expression kept on changing as she was reading it, I surmised that this work is a great success. Alyona fully agrees with me. I must say that the novel is already known to our English speaking public and is receiving favourable comments. I thank you for sending it to me.

At the *Yunost* editorial offices we keep on recalling with great warmth your visit, our talks and friendly discussion, which, as it seemed to me, was not as successful as it could have been, were you not accompanied by a diplomat. The diplomat was rather a nice fellow indeed, but a diplomat just the same. It is known the world over, and I can confirm it from my own experiences, that whenever an official person appears on the scene discussions become stiff and faces take on a polite and rubber-stamped smile. I have numerous friends among our diplomats and many of them are fine and clever people, but I never seek their services in my travels.

After the very “polite” discussion the boys and girls of the *Yunost* magazine approached me in embarrassment asking to convey to you their apologies and regrets for the way things have turned out.

Well, be it as it may, I hope that you will again visit our country where you have millions of devoted readers, and that we will have truly heart to heart talks and open and sharp discussions as befits writers who respect each other.

I anticipate to interest our publishers, among whom I have many friends, in your book and to read it in my own language soon.

I read the translation of your speech made in Sweden and I found it very profound and just. And though I have ideas of my own regarding the path leading to peace, I just the same fully agree with your conclusions. Together with you

I would like to cite the paraphrased expression by St. John the Apostle, a rather clever person, who said that: in «the end is Word and the Word is man – and the Word is with men». This aptly defines the writers’ place in modern society.

Both my wife and I are sending you and your wife our very best wishes. The entire editorial staff joins us in this. Sincerely yours, Boris Polevoy.

Публикация по источнику: РГАЛИ. Ф. 1373. Оп. 10. Ед. хр. 455.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 1–9.

**Переписка с Международным ПЕН-клубом
об участии в его работе советских писателей**

1. Дж. Стейнбек и Э. Олби – М.П. Бажану

October 20, 1964

Mykola Platonovich Bazhan
Union of Writers of the Ukraine
Kiev, USSR.

Dear Mr. Bazhan:

You have been in our thoughts ever since we visited the Soviet Union last fall, and John Steinbeck and I have been talking together to discover how it could be most satisfactorily arranged for you to visit us in the United States.

Perhaps the most lasting impression of our visit to the USSR is a renewed realization of the importance of direct, individual contacts with persons from other lands and cultures. Had there been more in the past, the course of relations between our two countries would probably have been very different.

We have discussed our travels and impressions with many of our colleagues since our return to America. We made a particular point of raising a matter with them which we had already discussed before we departed from the Soviet Union: We writers can perform an important service in the cause of peace and international understanding; it is moreover a service which we can perform on our own, without bothering with governments and official exchanges, and so forth. We can at least see to it that the writers of our two lands have an opportunity to know each other, to share their thoughts, to discuss their differences. And so we proposed to our colleagues that we invite writers from the Soviet Union to visit the United States as personal guests of the writers of America.

As we had expected, this proposal was enthusiastically supported. We therefore raised the matter with P. E. N., a writers' group with which we are both associated as Executive Board members. The American chapter has long played a useful role in entertaining foreign intellectuals and in fostering an exchange of views by intellectuals from all corners the world. The group also holds a series of meetings in which literary affairs are discussed in convivial circumstances. It also helps sponsor certain literary contests, translations, and other endeavors designed to stimulate cultural interchange. As a result of our

talks with the P. E. N. membership, it was agreed to invite a group of Soviet writers to visit the United States as guests of the American writers' community.

We therefore, on behalf of P. E. N., invite you to visit our country for a period of six weeks. We propose next spring as the most convenient time but if you can come now, that is all right with us too. If you do not feel that you can be free for the full six weeks, the a shorter period will be perfectly all right; however, we do feel that four weeks should be the minimum. The specific dates, of course, can be arranged to suit your convenience. Since there will be eight of you (we also inviting Vasiliy Aksenov, Yuriy Pavlovich Kazakov, Viktor Platonovich Nekrasov, Konstantin Mikhaylovich Simonov, Aleksander Volodin, Andrey Andreyevich Voznesenskiy, and Yevgeniy Aleksandrovich Yevtushenko), it may be more convenient for you to come in two groups of four; this would suit us just fine.

We will undertake to cover your round-trip transportation, hotel, and eating expenses for the voyage.

As for the program, we will arrange the details of that as soon as we know the dates you will be coming. We would like to arrange the trip essentially around meetings with American writers, but you must also see our universities, our cities, our countryside. Please do not hesitate to tell us what things especially interest you, so that we can take that into account in working out a program.

We have send separate invitations to each of the other persons in the group and also a letter to the Writers' Union asking their assistance in arranging the trip. If you feel we should write anyone else, please let us know.

Thanking you again for making our visit to the Soviet Union so pleasant and looking forward to seeing you in the spring, we remain,

Sincerely yours, John Steinbeck, Edward Albee.

2. Дж Фаррар – К.А. Федину

8 ноября 1964

К.А. Федину

Генеральному Секретарю

Союза Писателей СССР

Москва, СССР

Многоуважаемый Константин Александрович!

Я Вам написал письмо 28-го мая, в котором сообщал Вам о том, что шесть выдающихся Советских писателей были приглашены в Со-

единенные Штаты: Василий Аксенов, Юрий Павлович Казаков, Виктор Платонович Некрасов, Александр Володин, Андрей Андреевич Вознесенский, и Евгений Александрович Евтушенко. Они будут гостями не только Джона Стейнбека и Эдуарда Олби, но и всей группы Американских писателей, представителем которой является их общество, американский ПЕН Клуб. Было предложено гостям провести шесть недель в Соединенных Штатах, начиная с 1-го сентября 1964 г. В моем письме я обращался к Вам с просьбой сделать все возможное, чтобы осуществить это предложение.

Нас очень обрадовали ответы от некоторых приглашенных, в которых они писали, что получили приглашение и надеются, что смогут приехать. Было очень печально узнать от Александра Володина, что он не сможет приехать осенью.

Вы можете себе представить наше смущение и недоумение, когда никаких более определенных ответов не последовало даже 1-му сентября – число к которому мы ожидали приезд писателей! Признаться, я не понимаю, как это могло случиться! Гг. Стейнбек и Олби думают, что мы плохо рассчитали и оставили мало времени между приглашением и начальным числом самого визита – особенно если принять во внимание летние месяцы, когда все вообще идет не совсем по порядку.

Потому они сейчас посылают каждому из шести писателей отдельное письмо, в котором предлагают отложить поездку до весны – если у писателя нет возможности приехать этой осенью. Они также посылают приглашения еще двум писателям, Константину Михайловичу Симонову и Мыколе Платоновичу Бажану.

Мы сообщили тем организациям и частным лицам, которые проявили интересе и желание поучаствовать в этом проекте, что наши планы откладываются до весны. Несомненно, это вызовет недоумение и досаду, но я думаю, что никаких серьезных последствий не будет, так как мы с самой начальной разработки планов говорили всем заинтересованным лицам, что установить точное число приезда гостей пока невозможно, и советовали им не строить никаких определенных планов.

Я верю и надеюсь, что эта отсрочка даст нам возможность получить более определенные ответы, и что приглашенные писатели смогут приехать будущей весной. Еще раз хочу сказать, что я был бы чрезвычайно благодарен за любую помощь, которую Вы лично могли бы оказать по осуществлению нашего плана.

С совершенным почтением, Джон Фаррар, Президент.

Л. И. Казакова (Жданова)

З. Г.М. Марков – Дж. Фаррару

28 ноября 1964

Г-ну Джону Фаррару

Президенту Американского ПЕН-центра

Уважаемый господин Фаррар,

Извините за то, что Ваше письмо от 28 мая, в котором Вы приглашали в США Василия Аксенов, Юрия Казакова, Виктора Некрасова, Александра Володина, Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко, оставалось столь долго без ответа. Константина Александровича Федина сейчас нет в Москве и, чтобы не затягивать на этот раз ответа на Ваше второе письмо, я пишу Вам вместо него.

Дело в том, что каждый из писателей, которых Вы приглашаете, живет по своему плану, все они много ездят – очень трудно, пожалуй, даже невозможно соединить их всех вместе, чтобы они приехали в США в одно и то же время. Сейчас, например, Константин Симонов находится в Западной Германии, в ближайшее время он предполагает посетить Финляндию, Италию, Латинскую Америку. Микола Бажан вскоре уезжает в Италию.

Я полагаю, однако, что некоторые из названных Вами писателей смогли бы приехать весной 1965 года в США. Мы будем заниматься этим вопрос и в ближайшее время сообщим Вам, кто из писателей и когда может принять Ваше любезное приглашение.

Я прошу Вас заверить гг. Джона Стейнбека и Эдуарда Алби, что советские писатели тронуты проявлением дружеских чувств с их стороны и благодарят их за приглашение.

С уважением, Георгий Марков, Секретарь Правления Союза писателей СССР.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6345. Дж. Стейнбек и Э. Олби входили в состав Исполнительного комитета Американского отделения Международного ПЕН-клуба.

Е. Евтушенко**Открытое письмо Джону Стейнбеку**

Все честные люди в мире возмущены новыми варварскими налетами американской авиации на мирные города Вьетнама. Никогда нельзя объяснить какими бы то ни было политическими причинами, когда под

бомбами гибнут ни в чем неповинные дети. Как писал Пастернак в своей «Страшной сказке»:

Настанет новый лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

Я люблю американский народ, у меня много друзей в Америке, и я знаю, что сейчас они исполняют свой национальный и интернациональный долг, выступая против войны во Вьетнаме. Эти люди не враги, а патриоты Америки, ибо сущность истинного патриотизма заключается в том, чтобы открыто бороться против того, что пятнает честь нации. И я, как и весь советский народ, протягиваю руку через океан студентам, рабочим, ветеранам войны, представителям науки и искусства, выступающим за мир во Вьетнаме, – подлинным патриотам Америки и подлинным интернационалистам, выполняющим заветы братства, оставленные им Уолтом Уитменом и Робертом Фростом.

Но еще не все мои друзья, не все честные люди Америки подняли свой голос против убийства вьетнамских детей, видимо, считая свое вмешательство либо бесполезным, либо роняющим престиж собственной нации. Но уровень престижа нации – это уровень совести нации, и тот, кто молчит во время преступлений, роняет престиж нации. Так учит история.

И я обращаюсь с письмом в стихах к одному из моих любимых писателей и друзей Джону Стейнбеку, у которого я хочу учиться.

Когда-то на встрече с молодыми писателями в редакции «Юности» Стейнбек сказал нам: «А ну, волчата, покажите зубы...»

Джон Стейнбек,
милый, добрый старый Джон,
давайте пиджаки, как прежде, снимем
и, несмотря на строгость наших жен,
стаканы с виски или водкой сдвинем.
Вы тот же.
По-крестьянски кость крепка.
Лицо от виски и ветров багрово,
с таежной бородою лесника,
с хитрющими глазами рыболова.

Л. И. Казакова (Жданова)

Вы знаете в крючках на души толк,
и нам, в России,

нарочито грубо

сказали Вы,

лукавый тертый волк:

«А ну, волчата,
покажите зубы!»

Среди смущенной общей тишины
Вы ждали.

Улыбались Вы невольно.

И – девочке одной:

«Вот вы грустны.

Скажите Джону – чем вы недовольны?»

А та –

раскосый татарчонок-плут,
степной волчонок,

выученный степью:

«Мои права вчера забрал ОРУД,
от этого и грустно, мистер Стейнбек...»

Джон Стейнбек,

милый добрый старый Джон,

мы любим Вас

за то, что нам не льстили.

Боюсь я впасть бестактно в ложный тон,
когда пишу в эпистолярном стиле.

Мой старый Джон,

не мне Вас поучать,

а мне у Вас учиться и учиться.

Но Вы учили сами не молчать.

Мы не молчим –

я смею поручиться.

Джон Стейнбек,

мы горды своей страной,

но не волнуйтесь,

в гордости разумны,

мы нашей дряни –

нашей всяческой дрянной –

еще и как! –

показываем зубы.

J. Steinbeck
An Open Letter to Poet Yevtushenko
(Дж. Стейнбек
Открытое письмо поэту Евтушенко)

My dear friend Genya:

I have just now read those part of your poem printed in the New York Times. I have no way of knowing how good the translation is, but I am pleased and flattered by your devotion.

In your poem, you ask me to speak out against the war in Vietnam. You know well how I detest all war, but for this one I have a particular and personal hatred. I am against this Chinese-inspired war. I don't know a single American who is for it. But, my beloved friend, you asked me to denounce half a war, our half. I appeal to you to join me in denouncing the whole war.

Surely you don't believe that our "pilots fly to bomb children," that we send bombs and heavy equipment against innocent civilians? This is not East Berlin in 1953, Budapest in 1956, nor Tibet in 1959.

You know as well as I do, Genya, that we are bombing oil storage, transport and the heavy and sophisticated weapons they carry to kill our sons. And where that oil and those weapons come from, you probably know better than I. They are marked in pictograph and in Cyrillic characters.

I hope you also know that if those weapons were not being sent, we would not be in Vietnam at all. If this were a disagreement between Vietnamese people, we surely would not be there, but it is not, and since I have never found you to be naïve you must be aware that it is not.

This war is the work of Chairman Mao, designed and generated by him in absentia, advised by Peking and cynically supplied with brutal weapons by foreigners who sent it up. Let us denounce this also, my friend, but even more, let us together undertake a program more effective than denunciation.

I beg you to use your very considerable influence on your people, your government, and on those who look to the Soviet Union for direction, to stop sending the murderous merchandise through North Vietnam to be used against the South.

For my part, I will devote every resource I have to persuade my government to withdraw troops and weapons from the South, leaving only money and help for rebuilding. And, do you know, Genya, if you could accomplish your part, my part would follow immediately and automatically.

But even this is not necessary to stop the war. If you could persuade North Vietnam to agree in good faith to negotiate, the bombing would stop instantly. The guns would fall silent and our dear sons could come home. It is as simple as that, my friend, as simple as that, I promise you. I hope to see you and your lovely wife Galya soon.

With all respect and affection, John Steinbeck

Источник: Newsday. 1966. July 11. P. 3.

И вот Стейнбек нарушил молчание...

В номере «Литературной газеты» от 7 июля 1966 года опубликовано письмо Евгения Евтушенко известному американскому писателю Джону Стейнбеку.

Советский поэт призывает Стейнбека, которого он лично знает, выступить против варварских налетов авиации США на мирные города и села Вьетнама, нарушить молчание и присоединиться к голосам протеста американских деятелей культуры, решительно осуждающих позорную агрессию против вьетнамского народа.

Джон Стейнбек ответил на днях в американской газете «Ньюсдей» на это письмо. Он не только отвергает содержащийся в стихах Евтушенко призыв осудить агрессию США, но и фактически оправдывает действия Белого дома и Пентагона. Стейнбек пытается отрицать очевидные всему миру факты – бомбардировку мирных городов и сел, убийство мирных жителей, женщин и детей. Он повторяет избитые аргументы официальной пропаганды США, искажающие правду о войне во Вьетнаме и ее виновниках.

Мы предлагаем вниманию наших читателей с некоторыми сокращениями ряд высказываний зарубежных газет по поводу позиции Стейнбека.

The Worker. «Падение Стейнбека»

Джон Стейнбек доказал, что советский поэт Евгений Евтушенко был прав, адресовав этому американскому писателю полемическое стихотворение, в котором критиковал его за молчание по поводу грязной войны, которую ведет президент Джонсон во Вьетнаме.

Евтушенко вынудил Стейнбека нарушить молчание и выявить себя как сторонника политики Джонсона во Вьетнаме. Чтобы оправдать себя,

автор «Гроздьев гнева» решил не считаться с фактами. Он утверждает, что эта война «вдохновлена китайцами», когда всем известно, что война во Вьетнаме продолжается только потому, что президент Джонсон отправил во Вьетнам сотни тысяч американских солдат, тысячи американских самолетов и десятки американских военных кораблей, тщетно пытаясь подавить сопротивление миролюбивого народа, борющегося за свободу.

Стейнбек утверждает, что эта война продолжается только потому, что Советский Союз и Китай помогают вьетнамским патриотам. Но ему хорошо известно, что эта помощь была оказана только после того, как Джонсон направил крупные военные силы, осуществив незаконное и морально неоправданное вторжение в Южный Вьетнам.

Стейнбек риторически заявляет: «Конечно, вы не верите, что наши летчики летают бомбить детей...» Единственное, что следует сделать Стейнбеку – это читать американские ежедневные газеты, и тогда он увидит, что это именно то, что совершают «наши летчики»...

Le Monde. «Синяки да шишки»

Отвечая Евтушенко относительно американского вмешательства во Вьетнаме, Стейнбек как бы говорит ему: «Стреляйте первыми» или вернее: «Прекратите огонь первыми», или еще точнее: «Первыми добейтесь прекращения огня».

Ведь, в конце концов, именно американцы находятся в Южном Вьетнаме, а не русские, и даже не китайцы, и даже не северные вьетнамцы...

Ответ вызывает разочарование, но его можно было ожидать. Когда слишком рано собирают «гроздьев гнева», то, как правило, получают терпкий сок, который набивает оскомину. А если собирать их слишком поздно, то очень часто рискуешь получить – увы, бедный Стейнбек – одни только синяки да шишки.

L'Humanité. Андре Вюрмсер. «Причины гнева»

... Тот, кто молчит, когда совершается преступление, отрекается от Ромена Роллана, Золя и Виктора Гюго. Стейнбек знает это, и его ответ – попытка оправдаться, которая не убедит ни одного из почитателей «Гроздьев гнева».

«Я ненавижу все войны», – пишет он. – Но к этой войне я питаю особую ненависть. Я – против этой войны, инспирированной китайцами, и я не знаю ни одного американца, который благожелательно относился бы к ней».

Но это чересчур уж неразумно. Спрашивается, кто в нарушение Женевских соглашений вторгся во Вьетнам: китайская армия или американская армия? И если американцы являются противниками войны, которая никогда не началась бы, если бы они ее не развязали, то кто же вершит делами в Соединенных Штатах Америки?»

«Но, мой дорогой друг, – продолжает американский романист, – вы просите меня изблечить половину войны – нашу половину. Я же призываю вас изблечить вместе со мной всю эту войну».

Здравый смысл подсказывает – еще до того, как это сказал Евтушенко, – что изблечать «всю эту войну» – означало бы изблечать как агрессивную, американскую «половину», так и оборонительную, вьетнамскую половину, изблечать и вторжение чужеземцев извне, и сопротивление этому вторжению. Уже более 20 лет тому назад мы слышали, как вишийские министры сожалели подобным образом «обо всей этой войне», которую вели нацистские оккупанты и «маки». Изблечал ли тогда Стейнбек «всю эту войну»? Да и зачем осуждать «все» – ведь если бы американская «половина» ушла из Вьетнама, то войны не было бы вообще.

«Конечно, вы не верите, – пишет также Стейнбек, – что наши летчики летают бомбить детей». (Но не все ли равно, зачем они летают, если их бомбы убивают детей? И может ли Стейнбек видеть снимки госпиталя для детей, сожженных напалмом, и не верить этим снимкам?) «Вы не можете верить в то, что мы используем бомбы и тяжелое оружие против мирных, ни в чем не повинных жителей», – продолжает он.

Какие требуются аргументы, чтобы убедить Стейнбека, что эта война не является половиной преступления? И скажет ли он завтра, что его летчики уничтожили вьетнамские дамбы, чтобы потопить исключительно тяжелое оружие и нефтяные склады?

«Вы знаете так же хорошо, как и я, – осмеливается продолжать он, – что мы бомбардируем склады с горючим и тяжелое современное оружие, которое они используют, чтобы убивать наших детей». Во Вьетнаме, оказывается, убивают американских детей!

Я хорошо понимаю, что Стейнбек хочет сказать «наших сыновей», потому что его сын сражается против вьетнамского народа.

«Счастливы те, – сказал Пеги, – кто погиб в справедливой войне». Несчастливы те отцы, чьи сыновья рискуют жизнью на войне несправедливой, отцы, которые настолько утратили всякий здравый смысл, что, говоря о детях, убитых во Вьетнаме тяжелым оружием, они имеют

в виду... солдат янки. Горе отцам, которые в тот самый день, когда Макнамара объявляет о расширении бомбардировок Северного Вьетнама, просят Евтушенко «употребить свое влияние, чтобы прекратилась отправка смертоносных снарядов в Северный Вьетнам» и чтобы Вьетнам «вступил в переговоры со всей искренностью».

Но, спрашивается, с каких это пор грабители, проникшие в чужой дом с помощью взлома, требуют, чтобы пострадавший вел с ними «переговоры со всей искренностью»?

Плохо скрываемая истина заключается в том, что Соединенные Штаты, затеявшие военную интервенцию, которая их бесчестит, считают себя достаточно сильными, чтобы предписывать развязанной ими войне именно то завершение, которое им угодно: вы-де, мол, согласитесь с нашими условиями или мы вас уничтожим, да еще мы обвиним вас в половине наших преступлений, и, кроме того, мы обвиним тех, кто будет помогать вам защищаться, что они убивали наших детей...

Томас Манн и все сколько-нибудь известные немецкие деятели культуры осудили гитлеровскую агрессию. Джон Стейнбек одобряет американскую агрессию. Его талант обязывает его защищать мир, а он поддерживает эскалацию, генералов, финансистов и тресты, которых эта война защищает.

Американцы в Париже, которые протестовали против войны во Вьетнаме 4 июля перед своим посольством, те, кто в самих Соединенных Штатах приспустил в этот день флаги в знак траура, более достойны своей родины. Беда заключается в том, что эти ученые, эти простые люди, искренность которых Стейнбек не может ставить под сомнение, столь малочисленны. И на обращение Евтушенко им приходится отвечать так: «Не отчаивайтесь ни в мире, ни в независимости народов, ни в американском народе, если даже Стейнбек дает вам повод отчаиваться в них».

Источник: Литературная газета. 1966. 16 июля. С. 4. В газете помещена фотография вьетнамской женщины с обезображенным ребенком на руках и подпись: «Вот они, страшные следы американских бомбардировок во Вьетнаме: женщина с тяжело раненым ребенком на руках в южновьетнамской деревне. Эту фотографию публикует американский журнал “Лайф”. Странно, что писатель Стейнбек не видел этот и ему подобные многочисленные снимки, которые изо дня в день появляются в журналах и газетах его страны».

С. Кондрашов Перо, отданное Пентагону

Нью-Йорк. 9 января 1967

Среди американской пишущей братии в Южном Вьетнаме, из которой комплектуется вспомогательная пропагандистская служба захватчиков, появился недавно один новый доброволец. Он быстро превзошел многих своих коллег в смысле повторения всего, что подсовывают и показывают генерал Уэстморленд и его пресс-помощники в хаки. Его ненависть к партизанам также необузданна, как и его восторг перед американскими солдатами, которых он поднял на высоту благородных суперменов. Его политическая философия где-то на уровне наемных антикоммунистов из херстовских бульварных газет, хотя и пишет он не для мистера Херста, а для малоизвестной, но преуспевающей газеты «Ньюсдей», издающейся под Нью-Йорком.

Вот последние три «письма к Алисии», то есть бывшей издательницы газеты А. Паттерсон, опубликованные в субботу. Первое – с американской базы в Плейку. Это идиллическая картинка южновьетнамского поселения, очастливленного постоем тысяч американских солдат: «Получив стимул от пребывания войск, бизнес растет как грибы – прачечные, базы, лавчонки...». Другие американские корреспонденты замечали в Плейку и даже показывали на телеэкране несчастных детей, роющихся в отбросах, среди гор консервированных банок, выпотрошенных американцами, жалкие лачуги вьетнамских семей. Автор «Ньюсдей» не видит всего этого, зато живописует о том, как он был приглашен на чай генералом Вин Локом, командующим 2-м корпусом марионеточной армии: «Его штаб выглядит как дворец и очень красив, и, мне думается, что никогда больше я не попробую такого изысканного чая, как тот, которым он меня угостил». Мы узнаем, что генерал Вин Лок – «титулованный принц», «эксперт в области истории и культуры» горных племен и знаток английского языка, «столь же ароматного, как его чай».

Второе письмо написано после рейда на военном вертолете в районе Плейку. Письмо написано, как признает автор, в экстазе, который невозможно было удержать. От чего же экстаз? «Я видел их руки и ноги на рычагах управления. Точность координации напомнила мне об уверенных внешне медлительных руках виолончелиста Казальса... Поймете ли вы эту мгновенную вспышку гордости, которую испытываешь

лишь оттого, что принадлежишь к тем же особям, что и эти люди? Мне кажется, что это чувство прямо противоположно той дрожи стыда, которую я иногда испытываю дома, когда вижу вьетников, их грязные одежды, грязные умы...» Автор прибегает к жаргону бэрчистов: вьетники – это их кличка для противников войны.

В третьем письме, отправленном из Сайгона, корреспондент «Ньюсдей» переходит к обобщениям. Он не стесняет себя в выражениях, его ненависть брызжет через край, она почти неприлична. Многие его коллеги, пообтесавшись в джунглях, пришли, несмотря на всю их «лояльность», к выводу, что в Южном Вьетнаме имеет место гражданская война и что Армия освобождения связана с народом теснейшим образом. Корреспондент «Ньюсдей» называет эти факты, признанные даже Вашингтоном, «чистым дерьмом собачьим». Партизаны для него – «бандитская мафия», их оружие – «террор и пытки». Обращаясь к своим критикам в США, которые шлют ему «письма ненависти», он пишет: «Упрощать так упрощать, товарищи. Чарли – просто сукин сын». Он, как видно, любит жаргон не только бэрчистов, но и солдатни. Чарли – это бойцы Армии освобождения.

Кто же автор сих творений, уподобляющий убийц в чужом небе виолончелистам и гордый оттого, что принадлежит к «тем же особям»? Имя его Джон Стейнбек. Нет, не однофамилец. Тот самый. 64 лет от роду знаменитый писатель добровольно отправился в Южный Вьетнам, чтобы поставить свое перо и свою репутацию на службу грязной войны. Желанный гость генерала Уэстморленда, он не просто пишет. Стейнбек еще и стреляет. В канун нового года ему позволили пальнуть из 105-миллиметровой гаубицы в расположение партизан под Сайгоном. Он счел это за «большую честь». «Это был гордый момент», – писал он Алисии. Снарядную гильзу, как сувенир на память, он хочет взять домой. Ему позволили пальнуть, он охотно позволяет себя фотографировать. Его письма иллюстрированы в газете фотографиями: вот Стейнбек позирует у миномета, вот он выходит из вертолета, вот он склонился над военной картой.

Что же произошло со Стейнбеком? Некоторые дают такое объяснение – он не мог занять другой позиции, потому что сын его служит в американских войсках во Вьетнаме. Наивное объяснение, выдающее следствие за причину! Причина в другом. Как кардинал Спеллман, благословляющий заокеанских убийц на «войну до победы», писатель Стейнбек верен старому принципу американских шовинистов: «Это

моя страна – права она или не права». Этот принцип привел его в духовный лагерь империализма, а теперь и к отвратительным «письмам Алисии». Его голоса никогда не было слышно в антивоенных протестах, он не звучал вместе с голосами американских интеллигентов, осудивших грязную войну. Не их ли он имеет в виду, обрушивая презрение на «вьетников» в грязной одежде и с «грязными умами»? Напалм и бомбы не присутствуют в его письмах в «Ньюсдей» потому, что он всегда был за бомбежки ДРВ: он говорил вашему корреспонденту об этом еще в марте 1965 года, через месяц после начала бомбежек.

У Стейнбека не отнимешь откровенности. В Сайгоне он заявил: «Я никогда не испытывал симпатии к невинным созерцателям. Если нужно, я хочу быть созерцателем виновным». Он стал таковым, замарав себя в грязи несправедливой войны.

Приобретение для Пентагона, потеря для американцев с чистой совестью!

Источник: Известия. 1967. 9 января. С. 5. С.Н. Кондрашов – соб. корр. газеты «Известия» в США (ноябрь 1961–июнь 1968, октябрь 1971–декабрь 1976)

Я. Засурский **Умер Стейнбек**

20 декабря в возрасте шестидесяти шести лет скончался Джон Стейнбек – один из крупнейших и в то же время самых противоречивых американских писателей XX вена. Всемирную известность ему принес роман «Гроздь гнева», само название которого подчеркивало его острый социальный смысл. Сага о Джоудах, фермерах из Оклахомы, разоренных банками, корпорациями и земельными магнатами, рассказала о нарастании гнева и острой ненависти американского народа к угнетателям. Не случайно после выхода в свет книги в 1939 году один из критиков писал, что «каждый ее абзац может быть воспринят как чрезвычайно революционный и богохульный большинством из тех, кто прочтет его». Никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства.

Творческий путь Джона Стейнбека, был сложным и неровным. Роман «Зима тревоги нашей», изданный в 1961 году, вновь заставил говорить о нем как о настоящем мастере литературы. В 1962 году Шведская

Приложение

академия присудила Стейнбеку Нобелевскую премию, отметив в его произведениях «юмор и интерес к социальным проблемам, глубокую симпатию ко всем угнетенным». Сам Стейнбек, принимая премию, сказал: «Человечество обрело гигантскую силу, равную только той, что, как считалось прежде, находилась во власти всемогущего бога. В нас самих мы должны искать теперь понимание ответственности и мудрости, обладание которой в наших молитвах мы приписывали некогда одному только богу».

К сожалению, Джон Стейнбек далеко не всегда оказывался на высоте ответственности перед человечеством. Его выступления в поддержку агрессии США во Вьетнаме не только перечеркнули его гражданскую репутацию, оттолкнули от него читателей, но и губительно отразились на его литературном таланте. В последние годы он не создал сколько-нибудь значительных произведений.

Джон Стейнбек останется в истории американской литературы как художник большого масштаба и вместе с тем как человек, который в напряженный момент борьбы очутился по ту сторону баррикады, попытавшись защитить неправоное дело.

Источник: Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

Дата поступления в редакцию:	10.08.2023	Received:	10.08.2023
Дата публикации:	25.12.2023	Published:	25.12.2023